

**ВОРОНЕЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
ФАКУЛЬТЕТ ЖУРНАЛИСТИКИ**

К 100-летию Г. В. Колосова и Г. В. Антюхина,
основателей факультета журналистики ВГУ

БЫЛОЕ И МЫ
Журналистика и литература в пространстве культуры
Сборник статей

Воронеж 2022

УДК 070:821. 161. 1. 09

ББК 76.01+83.3

Б95

Печатается по решению Ученого совета факультета журналистики
ВГУ

Редакционная коллегия: профессор С. В. Савинков

В. В. Хорольский, доцент С. Н. Гладышева

Редактор выпуска – доцент С. Н. Гладышева

Б95 Былое и мы. Журналистика и литература в пространстве культуры. – Воронеж : Факультет журналистики ВГУ, 2022. – 110 с.

Сборник «Былое и мы» издается кафедрой журналистики и литературы факультета журналистики Воронежского государственного университета. Он продолжает практику публикации статей сотрудников и аспирантов кафедры журналистики и литературы, начатую профессором Л. Е. Кройчиком в 2009 г. В сборнике также публикуются материалы участников научных сессий, выступающих с докладами на конференциях факультета.

Выпуск сборника посвящен 100-летию Г. В. Колосова и Г. В. Антюхина, основателей факультета журналистики ВГУ.

Расчитан на аудиторию, интересующуюся актуальными вопросами теории и истории публицистики и литературы.

© Факультет журналистики
Воронежского
государственного
университета,
2022

Г. Актуальные проблемы теории публицистики

И. БЫЛДИНА

Специфика творческого портрета

Мы изучаем мировую культуру, интересуемся театром и кино, ходим на выставки, любуемся живописью, наблюдаем за фотопроектами. Мы ценим произведения искусства, но часто мало что знаем об их создателях. Мы задаемся вопросом «Как это сделано?», но забываем спросить себя «Кто и почему это создал?».

Часто чтобы понять произведения искусства, необходимо приблизиться к личности их создателя, изучить процессы творческого мышления и понять мотивацию автора. Эти запросы способна удовлетворить одна из разновидностей портретного очерка – творческий портрет. Именно он может ответить на самые сложные вопросы об авторах.

Однако это сложный и малоизученный жанр. В современной теории журналистики достаточно хорошо представлен портретный очерк [1; 2, с. 212–217; 3; 4, с. 66–71; 7; 8, с. 251–255], но практически нет работ, которые исследуют творческий портрет. Можно найти только упоминания о нем [5, с. 123; 6, с. 238]. Отсутствует даже минимально точная научная регламентация жанровых признаков. Это усложняет работу тех, кто пытается исследовать особенности творческого портрета не только в теории, но и на практике. Мы хотим подробнее изучить данную жанровую разновидность и выделить ее отличительные свойства.

Активное развитие различных видов искусства и возрастающий зрительский интерес к новым жанровым формам, к фигуре творца, к роли творчества в социокультурных процессах и развитии общества увеличили потребность в исследовании творческого человека. Читатели хотят узнать, кто и как создает актуальный культурный бэкграунд. Каким образом творец воплощает в жизнь идеи, привлекающие к себе широкий общественный интерес. Фокус внимания расширяется – зрителю интересно не только произведение, но и его автор. Именно эту потребность способен реализовать жанр творческого портрета.

Он формирует индивидуальный портрет творца, исследует его личность и связь действительности с творческим процессом. Диапазон исследования героя широк. Журналист анализирует творческую манеру героя, дает характеристику его деятельности, изучает творческие замыслы, которые будут реализованы в будущем, и факты биографии,

которые повлияли на личность и креативность. Также важным дополнением является исследование конкретных работ героя. Глубина анализа может варьироваться в зависимости от задач, которые ставит перед собой журналист, а также от его компетентности. Если журналист в той или иной степени разбирается в изучаемой сфере и хочет использовать свои знания, то можно дополнить творческий портрет анализом. Однако разбор конкретных работ не является обязательным условием для создания творческого портрета.

Предметом отражения является судьба творца, которая представлена читателю как воплощения героя в продуктах его духовного творчества. В произведении судьба не может быть отделена ни от творческих трудов персонажа, ни от культурно-исторического процесса в целом, ни от культурного слоя общественной жизни в частности. То есть реальность в творческом портрете отлична от реальности в портретном очерке. Она имеет иную, особую специфику – рассказать читателям о роли творческой личности в формировании культурного слоя общественной жизни, в развитии общественной мысли и актуальных творческих тенденций.

Жизненный и созидательный путь человека искусства в творческом портрете можно выразить в соединении трех разных начал: биографии творца, созданного им художественного мира и историко-культурного контекста, в котором проходило это создание. Г. В. Лазутина выделяет собственно творческий портрет и рассказ о биографии героя [6, с. 242], в которых эти начала могут соединяться в разных пропорциях. В первом внимание концентрируется на особенностях творческой позиции и манеры творца, на отличительных приемах и образах. Автор анализирует, как личность героя текста выражается в его произведениях. Однако можно поступить наоборот: в рассказе о биографии героя автор выделяет события, которые оказали значительное влияние на творчество героя материала, и исследует, как они отразились в его конкретных произведениях.

Таким образом, творческий портрет способен охарактеризовать личность через творчество и позволяет понять творчество через личность. Это исследование конкретного творца, авторское размышление о его созидательной деятельности, опирающиеся на беседу с героем и наблюдение за его работой, а также на личное впечатление от созданного им.

Героями творческого портрета могут стать визуальные артисты: фотографы, художники, режиссеры, графические дизайнеры и т. д.; музыканты, скульпторы, писатели и поэты, перформансисты, акционисты и многие другие. Главное – возможность для автора оценить

вклад персонажа в культуру, изучить творческое своеобразие его работ, выделить и описать уникальные идеи, которые привлекли (или привлекут после публикации материала, если творец малоизвестен публике) внимание общественности и критиков, и т. п. Рассмотрим особенности творческого портрета, с помощью которых автор отражает эти и иные аспекты.

Во-первых, приступая к работе над творческим портретом, журналист должен поставить конкретную цель, задавшись вопросом: «Какое впечатление производит творчество героя?» Любой журналистский материал преследует информационные цели, поэтому причиной создания творческого портрета часто становится актуальный информационный повод, активный общественный запрос. Например, новое произведение никому не известного автора внезапно становится популярным в творческой среде и у зрителей. Задача журналиста – познакомить публику с творцом, рассказать о его пути, других работах, которые могут привлечь публику, и общем направлении его деятельности, чтобы поддержать волну внимания к начинающему художнику и помочь продолжить любимое дело.

Еще одной причиной может стать значимое достижение, создание выдающейся работы или новый поворот в судьбе уже известного творца. В таком случае журналист удовлетворяет вновь возросший интерес общественности к известной творческой личности. В процессе общения с таким героем можно провести анализ многолетней творческой деятельности, оценить его вклад в локальную или глобальную культуру и обсудить направления, в которых он планирует работать в дальнейшем. Также поводы создания творческого портрета могут быть связаны с юбилеями творцов, с общезначимыми событиями, к которым приурочены их произведения, или с печальной ситуацией – смертью человека, открывающей бессмертие его трудов.

Следующая особенность творческого портрета тесно связана с предыдущей. Мы уже упоминали о соединении трех разных начал: биографии, художественного мира и историко-культурного контекста. В портретном очерке необходимо выделить то из них, которое составит основу текста. Это стержень произведения. Остальные начала станут дополняющими, их всестороннее освещение в рамках одного текста не только сложно реализуется, но и просто не требуется. Опора на одно из начал позволит выделить значимые ценности и детали, которые удовлетворят запросы журналиста и аудитории, придадут тексту особую важность, привлекут читательское внимание и расширят поле для творческих экспериментов журналиста.

Третья особенность: журналист, работающий над творческим портретом, обладает значительным преимуществом. Он пишет о современнике, с которым может встретиться лично. Это отличает творческий портрет от тех работ, которые основаны лишь на мемуарах, письмах, воспоминаниях и рецензиях и которые будут интересны более узкому кругу читателей. Личное впечатление автора от общения с героем, ощущение его индивидуальности, характера, даже собственный «живой» взгляд на внешность оказывают значительное влияние на портретный очерк. Авторское впечатление формируется в процессе работы над произведением, и читатель может это отслеживать, ощущать себя его частью, оказываться на месте журналиста-исследователя и наблюдать за героем собственными глазами.

Процесс изучения героя в творческом портрете неотделим от описания внешних характеристик. Внимательный взгляд фотографа, яркий гардероб современного художника, эмоциональность акциониста – внешность и поведение играют значимую роль в восприятии человека. Любая деталь, на которую обратит внимание журналист, может задать настроение творческого портрета и даже стать основой его сюжета. Также важно исследовать пространство, в котором существует герой. Журналист может встретиться с творцом в личной мастерской, на выставке, в которой тот участвует, или посетить лекцию, которую тот ведет. Наблюдение за героем в процессе его деятельности способно расширить творческое поле журналиста и обратить внимание на вопросы, которыми он еще не задавался.

Творческий портрет, помимо описания внешности, убеждений, характера, биографии, должен исследовать и методологию творчества героя, внепространственную мастерскую, в которой создаются его произведения. Журналист может проанализировать, как события внешней среды влияют на творца и отражаются в созидательной работе. Иногда творец сам понимает этот процесс и рассказывает о нем журналисту. В других случаях автор портрета может в процессе создания творческого портрета наблюдать за объектом своего исследования, анализировать его произведения, задавать наводящие вопросы, предполагать и строить догадки на основе ответов на них. В тексте можно отразить процесс поиска и совместных с героем размышлений. Это также может заинтересовать читателя, стимулировать ощущение личного прикосновения к миру творца.

Рассмотрим еще одну особенность – авторское участие в творческом портрете. Организация текста напрямую зависит от роли автора. Его позиция, впечатление, которое он получил от встречи с героем,

обуславливает ход повествования, определяет приемы построения текста и последовательность смысловых блоков. Творческий портрет строится на личном отношении журналиста к герою и впечатлении от его творчества.

Цель творческого портрета – поиск ключа к загадке уникальности героя. Это сложный и многоуровневый процесс, результат которого сложно предугадать. Мысль автора, реализуемая в тексте, развивается на каждом этапе его создания – от знакомства с творцом и его произведениями до момента публикации. Беседа с героем – не основа текста, а лишь один из ее компонентов. Отражение в тексте процесса исследования героя автор творческого портрета может дополнять различными элементами:

Отзывы и рецензии. Небольшие отрывки рецензий или зрительские оценки, добавленные в текст, усиливают роль продуктов творчества как важного аргумента в системе анализа художника. Они помогают оценить результаты деятельности и ее роль в развитии конкретной сферы искусства.

Прямая речь. В представлении личности героя большую роль играют его высказывания. Прямая речь усиливает документальность этого представления в тексте. Кроме того, предварительная беседа поможет журналисту ощутить индивидуальность героя, которая будет воссоздана в произведении.

Уникальные сведения. Личная беседа обладает еще одним преимуществом. Журналист может обсудить с творцом его отдельные работы и задать вопросы, ответы на которые раскроют новые стороны произведений, часто неожиданные даже для их автора. Также обсуждение создания конкретной работы поможет лучше понять творческий процесс художника и получить эксклюзивные подробности из первых уст.

Заочное исследование героя. Многие творцы рассказывают о своей деятельности на открытых площадках, например в социальных сетях. В творческом портрете журналист может рассказать о заочном изучении героя и описать соответствие или разницу внешнего образа творца с его внутренним наполнением, часто недоступным зрителям. Также читателя может заинтересовать и сравнение двух сторон журналистского исследования героя – заочного и личного.

Литература

1. Зеленина Е. В. «Портрет героя»: ценностно-смысловые и творческие аспекты // Вопросы теории и практики журналистики. 2014. № 2. С. 33–52.

2. Ким М. Н. Жанры современной журналистики. СПб., 2004.
3. Кобелева Е. А. Современный портретный очерк: жанровые и стилистические особенности // Общество. Наука. Инновации (НПК-2017): сборник статей: Всероссийская ежегодная научно-практическая конференция, 1-29 апреля 2017 г. Киров, 2017. С. 3303–3308.
4. Колосов Г. В. Поэтика очерка. М., 1977.
5. Курышева Т. А. Музыкальная журналистика и музыкальная критика. Учебное пособие. М., 2007.
6. Лазутина Г. В., Распопова С. С. Жанры журналистского творчества: Учебное пособие для студентов вузов. М., 2011.
7. Мещерякова Е. Особенности современного портретного очерка: [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://journals.susu.ru/lcc/article/view/149/363> (дата обращения: 20.03.2022).
8. Тертычный А. А. Жанры периодической печати. М., 2014.

Методология анализа публицистических текстов в условиях медийной «дигитальной революции»

Введение. Постановка проблемы

Научное и научно-учебное представление о природе и функционировании публицистического текста (ПТ) в пространстве медиакультуры связано с наличием методологии анализа медийных текстов (МТ), что подразумевает органическую связь МТ и ПТ с окружающим миром и традицией восприятия любых текстов. МТ связаны в первую очередь с художественными и научными текстами, а в меньшей степени, с текстами юридическими, деловыми, медицинскими, устно-разговорными и прочими. Контекстуальность и онтологическая безграничность отличает язык и стиль МТ от языка строгих документов или строгих научных текстов (НТ). От художественных текстов (ХТ) публицистичность, как признак большинства МТ, отличает целеполагание и более строгая документальная база [6; 7].

Цель данной статьи состоит в выявлении теоретических противоречий между изучением МТ и ПТ с позиций традиционного историко-культурного анализа и изучением корпуса МТ, ХТ и НТ в условиях цифровой (дигитальной) революции, изменившей инструментарий и интенции ученых-гуманитариев. Новые медиа в значительной мере поменяли восприятие МТ и ПТ, сегодня возникает множество новых подходов к анализу сообщений в СМИ, к особенностям коммуникативных актов, ставших хотя бы малой частью объекта общенаучной метатеории. Интерпретация смысла текста и коннотаций контекста как воплощения социальной энергии МТ и ПТ, оценка медиаэффектов, философское осмысление сферы общения с помощью СМИ в последние десятилетия все больше тяготеет не к идеалу НТ, а к научно-популярному публицистическому разговору о социологических и/или психологических сторонах функционирования МТ, порой без должного научного рассмотрения феномена массовизации производства и потребления сетевой медиапродукции, иногда радикально меняющей регистры офлайнПТ. Работ о современных сетевых МТ немало, но принципы медийности как когнитивной практики анализируются не всегда глубоко, без опоры на онтологическую природу МТ [3; 4;9].

В области методологии анализа МТ в последние годы возникли зоны, где сошлись интересы философии, лингвистики, теории журналистики, культурософии и ряда других наук. Логика разграничения, «делинеации» НТ и МТ в аналитических процедурах разных школ сопрягается с учебным, околонучным или квазинаучным дискурсом, не претендующим на глубину и качество интерпретации сложных вопросов, а характер презентации и репрезентации научных проблем, связанных с методами анализа ПТ на страницах и российских, и зарубежных специализированных изданий, имеет научно-учебный характер, несколько отличный от идеалов современной академической науки о массмедиа. Говоря другими словами, ПТ как объект анализа вытесняется в трудах теоретиков на периферию герменевтического рассмотрения в условиях НТР, так как на первый план вышла иная аналитическая стратегия, тяготеющая к идеалу наукообразного схематизирования, математических подсчетов, «взвешивания» неуловимых эмоций. Популярна ныне и методика бесконечного построения диаграмм, характерная, например, для школы в Иркутске. Формируется в трудах медиакритиков и методология линвокультурологического анализа новых медиа, которые требуют пересмотра целей и процедур описания МТ. Современные тенденции развития публицистики как особого «стыкового» вида медийного творчества и одновременно вида общественно-литературной и журналистской деятельности, о которой и пойдет речь ниже, в определенной мере связаны и с формированием новой глобально-унифицированной «информационной цивилизации», порой отменяющей, но не уничтожающей традиции историко-культурной герменевтики.

Основная часть

Культурологический подход к публицистике, основы которого можно найти в трудах С. С. Аверинцева, М. М. Бахтина, Д. С. Лихачева, А. Ф. Лосева, Ю. М. Лотмана и др., предполагает в первую очередь использование определенных процедур анализа текста с позиций его оформленности в слове, т. е. с культурократических позиций, о которых и будет говориться ниже. Особенностью культурологического рассмотрения публицистики также является органическое (т. е. неделимо-целостное) сочетание традиционного (историко-культурного, логико-семантического, структурного, семиотического, социологического и т. д.) анализа конкретного образно-убеждающего дискурса или его части (например, художественного или публицистического текста), с одной стороны, и анализа информационно-культурологическо-

го, коммуникологического – с другой, однако ядром данного вида анализа текста и дискурса выступает положение о примате «культурной составляющей» (в нашем случае это власть основополагающих концептов культуры в системе массмедиа, главенство идеально-духовных процессов в культуре и СМИ) в истории человеческой цивилизации.

Анализ ПТ предполагает «трансгредиентность», венаходимость аналитика по отношению к жизненному материалу. Культурологический подход в этом понимании неизбежно становится методом отстранения от неохватной массы фактов и событий, методом дедуктивной схематизации бесконечного многообразия фактов, концептов, мнений. Ясно, что традиционный культурно-исторический подход в этом отношении более фактографичен, нежели собственно культурологический. Причем отличительной чертой последнего являются не столько новые элементы в системе «текст – автор – жизнь», сколько новая комбинация «старых» частей целого, новый акцент на убеждающее газетно-журнальное Слово (не путать с лексической единицей) как единство денотативных и коннотативных связей, единство смысловых механизмов текста и дискурса о каждодневности, структурируемой с помощью языковых конструкций разной конфигурации. Это слово рассматривается нами в качестве результата деятельности Коллективного разума, что, конечно же, предопределяет изучение культурно-информационных потоков в неразрывной связи с принципом диалектического единства формы/содержания Текста, с одной стороны, и творческой личности автора высказывания, с другой, что в свою очередь неизбежно связано с системным анализом лингвосоциокультурного контекста.

Текстом называют иногда промежуточный результат выражения контекста, имея в виду и то, что вне контекстуальных связей не может быть реализовано значение слов, смысл высказывания, а также то, что текст Коммуникатора (в нашем случае – создателя ЖТ и ПТ) не равен тексту Реципиента, потребителя. Мы полагаем, что феноменология ПТ как убеждающего слова толкает нас к содержательно-дискурсивному, т. е. рациональному разговору о бытовании текстов в СМИ и их атомарно-первичном бытовании фактов (событий, мнений, идей, предрассудков и т. д.) в культуре. С феноменологической точки зрения дискурс – это реализация определенного типа культуры в тексте в парадигме «социокультурного взаимодействия». ПТ – это энерго-информационное проявление Коллективного Интеллекта, он является «квантом» социальности, необходимой многим информации, сливающимся с потоком иных фактов в сфере МД. Текст сливается с метатекстом, с дискурсом, т. е. стремительным потоком текстов, приобретающих смысл благодаря контексту и подтексту, откры-

той или скрытой соотнесенности с аналогичными текстами и опытом потребителя, опытом миллионов людей. В то же время любой текст с точки зрения лингвистики, но не коммуникативистики, может быть дискурсным моментом. ЖТ соединяет языковые и смысловые пласты всех иных текстов, не растворяясь (в идеале) ни в одном. Медийный дискурс (МД) выступает в роли скрепы в здании культуры: без иных отраслей знания он мало что значит и не является таким «строительным материалом», как знания из специальных областей (химии, физики и проч.), что требует не углубления в содержательную бесконечность высказывания, а систематизации дискурсных потенциалов МД.

Культурологи справедливо говорят о проникновении «антропологических» междисциплинарных исследований, исходящих из культурософского понимания задач науки, в смежные отрасли гуманитарных знаний. Человеческое измерение роднит культурологию и науку о литературе настолько, что можно говорить не просто о проблемно-тематическом симбиозе, но о нерасторжимом сочетании общих мировоззренческих установок, философских ориентиров, а потом, естественно, и тем, мотивов, подходов. В данном случае можно уверенно писать о сплаве ценностных ориентиров, о духе гуманизма и т. д. Важно при этом, однако, иметь в виду и принципиальные различия двух гуманитарных отраслей знания. Во-первых, культурология шире литературоведения по предмету изучения, во-вторых, ее понятийный аппарат более всеяден: укрупнение предмета исследования неизбежно ведет к расширению терминологической базы. Во-вторых, она уже (т. е. более узкая) по характеру описания человеческой индивидуальности: писатель и литературовед имеют дело не только с генерализацией человеческого опыта, но и с каждодневной «тиной мелочей», с любопытными, но для многих несущественными фактами обыденной жизни выдающихся и «простых» людей.

Можно предложить следующую модель типологического ядра любого художественного и публицистического текста и дискурса: «социальноэтический и эстетический идеал – принцип аргументации и убеждения – логика смыслопорождения – “архитектоническое завершение»» (М. Бахтин)». В чем суть данной «тетрады»? Во-первых, любая творческая деятельность базируется на каком-то целеполагании, идеальном представлении о конечном результате. Идеалы творцов служат импульсом к конкретной реализации замыслов, что и заставляет аналитиков начинать разговор о смысле творений с общей концепции автора, с его мировоззренческих позиций и т. п. Идеал охватывает любое эстетическое целое и лежит в основе ценностного потенциала данного целого.

Путь к авторской идее через убеждающее слово предполагает в этом случае: а) акцентирование системных связей в идейно-эстетической целостности публицистического текста (или дискурса, если речь идет о массивах текстов, взаимодействующих в определенном культурном пространстве); б) выявление жанрово-стилевой и интонационной доминанты анализируемого целого; в) «деконструкция» текста в целях изучения его многомерности, особенно если речь идет о таких типах письма и жанровых конструкциях, как эссе, беллетризованный очерк, политический портрет, проблемная статья, г) характеристика «поэтической» структуры (язык, образность, ритм и т. д.); д) «идеологическое» обобщение, анализ позиции и цели автора, идейного подтекста и «затекста» (традиция, социокультурный фон), а также этико-философской базы высказывания; е) личностно-субъективная интерпретация выводов автора, диалог аналитика и автора анализируемого текста.

Сразу же следует обратить внимание на такой внешне самоочевидный, но почти необъясненный факт. Интуитивное несистемное осознание общезначимых («социализированных») фактов, получаемых с помощью средств массовой информации и коммуникации (далее – СМИК), обычно удовлетворяет лишь запросы нетребовательного «рядового» читателя. Иное дело, когда газетную информацию получает читатель – профессионал, медиакритик, исследователь СМИ. Для понимания аудиторного профиля нужно разделить читателей любого газетного текста на несколько типов (страт, слоев): а) на аналитиков-профессионалов (медиакритиков); б) на «элитных» регулярных читателей, т. е. высокообразованных людей – специалистов в каких-то областях, руководителей различных рангов, представителей верхних слоев интеллигенции, потребителей, читающих тексты, близкие их профессиональным интересам; в) на подготовленных читателей, знающих основы практической журналистики, выписывающих газеты и, как правило, имеющих высшее образование; г) на неподготовленных или слабо подготовленных потребителей медийной информации, развлекающихся или отдыхающих при чтении (их, к сожалению, пока большинство).

В последнем случае первичность содержания вызывает определенные сомнения, хотя форма передачи мысли тоже важна, как правило, с точки зрения лишь визуально-эмоционального воздействия. И она тем важнее, чем менее подготовлена аудитория. Для рядового потребителя инфопродукции, как правило, более важны внешние проявления экспрессивно-стилистической модели медийного дискурса как совокупного наименования процесса создания и усвоения всей социально значимой информации с помощью массмедиа [7].

Важны в ситуации методологической неустойчивости, порождающей эпистемологический диссонанс, поиски компромисса в научной среде, выявление тех зон бесспорного знания, где «всем все понятно». Для понимания логики использования терминов в коммуникативистике принципиальны, думается, уточнения слов «факт» и «событие». Представляется уместным говорить об «атомарных фактах» (АФ) и «первичных событиях» (ПС), имея в виду следующее. В жизни есть факты, не вызывающие особых споров, признаваемые большинством. Таковы самоочевидные факты смены дня и ночи, времен года, видимых осадков, природных катаклизмов, рождения и смерти людей, их каждодневного бытия – словом, все признанные и задокументированные факты объективной действительности, поддающиеся проверке с помощью процедур верификации и фальсификации. Такие факты должны быть по определению конденсатом событийности, т. е. одномоментными сингулярными явлениями, взятыми из объективной жизненной реальности или из сферы человеческой субъективности. Соединения АФ порождают цепочки первичных событий, которые и служат исходным материалом для создания МД. Логичным представляется вывод, что на основе АФ создаются другие факты, имеющие небесспорный характер. Они чаще всего и служат материалом для журналистов и всех других людей, пишущих о сегодняшней реальности с позиций немедленной актуализации АФ. То же самое и с исходными событиями, наиболее часто привлекающих внимание работников СМИ. Они имеют самоочевидную тенденцию к повтору, к самовоспроизведению: подобно карусели сама жизнь катится по кругу, воссоздавая в пестроте новых фактов и событий единую суть целостного бытия с его константами (рождение, смерть, работа, забота и т. д.). ПС – это случившееся, но далеко не все, описываемое в литературе и публицистике, состоит из АФ и ПС. Чаще всего это признаваемые абсолютным большинством здоровых людей атомы жизни, хотя нередко это идеализированные сущности, наделяемые статусом «первоосновности». Два примера. Мы верим науке, установившей, что Земля вращается вокруг Солнца, а не наоборот, как полагали совсем недавно. Это АФ, отрицание которого возможно, но маловероятно в обозримом будущем. Таблица умножения, правила чтения и письма, правила дорожного движения – это тоже похожие АФ. Другое дело – теория вероятности, теория естественного отбора, другие подобные продукты цивилизации. Это для многих людей – чистейший АФ, но есть много тех, кто сомневается, ставя, например, идею бога выше всех продуктов человеческого разума. Из этого следует простой

вывод: в массмедиа критерии истины не могут быть жесткими. Сколько людей – столько и мнений. Однако это не есть игнорирование объективной истины, отказ от поиска intersубъективных совпадений, договоренностей, относительных истин, верифицируемых и документируемых культурой. А этот вывод и положен нами в основу методики «культуролого-информационного» рассмотрения публицистики Запада в XX в., чем автор этих строк занимался в последние 30 лет.

Сингулярность АФ самоочевидна: в одну реку не войдешь дважды. Повторяются мотивы и сюжеты, да и то изоморфно. АФ в рассматриваемом примере разные, но в основе журналистских историй лежал мотив «чрезвычайного происшествия», который стал элементарной клеточкой сюжетов о техногенных и хозяйственных кризисах в России. Можно предложить следующую схему взаимодействия факта, мотива и сюжета в ПТ и ЖТ, ставя цель более конкретной дифференциации этих категорий с точки зрения и теории журналистики, и коммуникативистики, и культурологии. Кстати, о событиях. Их легко классифицировать по признакам а) социальной значимости, б) эффекту воздействия на аудиторию в пространстве и времени, в) цитируемости в СМИ, г) прогнозируемости и планируемости и т. д. Медийное сетевое общение, порождающее специфические виды ПТ – это процесс, изучаемый с позиций интердисциплинарности, комплексного рассмотрения и дополняемый изучением Интернет-коммуникаций как нового технологического явления в человеческой культуре.

Языковая трансформация массовой Интернет-коммуникации, в эпоху Сети имеющая лавинообразный характер, не только приобретает относительную самостоятельность как нормосозидающая либерально-игровая подсистема национального языка, но и выступает в качестве лингвистического фермента, который ускоряет и меняет нормы «официальных» институционализированных МТ. Существенной причиной, порождающей новые закономерности, является стремительное ускорение циркуляции МТ в социуме, что влечет нередко быструю смену информационной повестки дня. Наиболее существенные черты сетевых дискурсов определяют методы интерпретации ПТ, как традиционных, так и созданных по лекалу дигитального текстопорождения, для которого принципиальны законы мультимедийности, повышенной интерактивности, интертекстуальности (гипертекстуальности), креолизации и конвергенции.

В последние десятилетия образный потенциал ПТ в сетевой качественной прессе существенно возрос. Публичное слово журналистов, пишущих в Сети, стало более емким, эстетизированным. В аналити-

ческих материалах Сети больше стало научно-популярных ПТ, автор сегодня больше творит и приглашает к сотворчеству, диалогу, спору. В информационно-аналитических текстах он либо отстраненно-адекватно, достоверно, точно (по возможности) информирует о событиях, либо предоставляет слово специалисту для комментария, либо предлагает свою модель толкования действительности, в которой все чаще встречаются элементы условности, суггестии, убеждающей эмоционально-образной публицистичности. В художественно-публицистических жанрах предельно важен не столько сам факт, имеющий первостепенное значение для информационно-аналитических ПТ, а именно образный язык и метафорический стиль подачи материала, что сближает ПТ с поэтикой ХТ.

Игра – ключевой термин постмодернизма в культуре постиндустриального (информационного) общества – прежде всего игра автора ПТ с читателем, опирающаяся на иносказание, на образно-метафорический способ выражения идеи, порой даже и на мистификацию, розыгрыш, становится в последние десятилетия еще одной из закономерностей современной газетно-журнальной публицистики. Современная публицистика и ее продукт ПТ, являясь сложной системой систем, не претендует на пророческую однозначность, но активнее вовлекает читателя в «инфотейментальную» обратную связь. Развлекательность в этой системе играет роль «остова» и архитектурного стержня для остальных элементов целого. В современной прессе ПТ характеризуется сближением канонов «качественной» и «популярной» журналистики. Создание ПТ для универсальной газеты «для всех сразу» не отменяет многочисленных изданий для разных страт населения, но существенно модифицирует стратегию издателей.

Глобализация массмедиа, приводящая к унификации и усреднению медийных мегадискурсов в мире, стала важным предметом изучения в вузах, ее воздействие на СМИ значимо, о чем сейчас активно говорят исследователи. Возникновение Всемирной Паутины стимулировало дискуссии о новых правилах игры, но не забыт и старый вопрос о свободе слова. Интернет повлиял на развитие медиабизнеса, сделал более доступными огромные массивы журналистской информации. Как подчеркнул Мануэль Кастельс, новая экономика организована вокруг информационных сетей, не имеющих центра, и «основана на постоянном взаимодействии между узлами этих сетей, независимо от того, локальные они или глобальные» [9, с. 21]. Медиасети применяются прежде всего в деловом общении, в синергетическом развитии постиндустриального общества: «Постоянная адаптация к вихреподобной смене

конъюнктуры в области капитала, спроса и технологий — вот суть этой игры. Единственным правилом является полное отсутствие правил. Если они еще и существуют, то обходятся посредством использования множества сетей» [9, с. 23]. Связь этого подхода с эпохой Постмодерна, в частности с идеей ризоматичности массовых коммуникаций, налицо. Но при этом надо помнить, что на каждом историческом витке соотношение традиции и новации, клише (стандарта) и индивидуальной манеры (выразительно-экспрессивный уровень МТ) в разных медиакультурах разное. Например, арабские ПТ более декоративны в стиле и патетичны в регистрах основного тона. Интонационно-синтаксические построения в прессе Йемена или Ливана более экспрессивны по сравнению с качественной прессой Запада.

Можно констатировать наличие четырех (как минимум!) идеальных моделей (векторов), стратегических направлений и методов исследования МТ и ПТ, основанных на особом понимании миссии СМИ и журналистских идеалов, наиболее соответствующих специфике обсуждаемого предмета:

Инструментальный метод, который характеризуется узко прагматическим подходом к СМИ, самоцензурой и ангажированностью. Ярким примером здесь могут служить обсуждения событий в духе тотального «одобрямса», лакейская поддержка буквально всех решений различных властных структур, обилие ПТ, оправдывающих нелогичные законы и постановления. Инструментализм близок принципам тоталитарной партийности и классовой ангажированности журналистики.

Познавательный (логико-гносеологический) метод, в основе которого лежат гносеологические потенции массмедийной коммуникации. Приведем пример: позитивистские штудии и научно-популярные ПТ начала XX в. (Г. Тард, У. Липпман, П. Лазарсфельд, многие исследователи-марксисты).

Историко-культурный метод, продолжающий традиции мировой герменевтики (М. Бахтин, А. Лосев, Р. Мертон, Г. Иннис, С. Московичи, М. Маклюэн, Э. Тоффлер, М. Назаров и др.).

Культурологический (информационно-культурологический) генерализирующий метод (М. Хайдеггер, Й. Хабермас, Н. Луман, М. Кастельс) [2; 6, с. 44].

Ясно, что при всей условности, а порой и невозможности жесткой дифференциации направлений в методологии и теории массмедиа, названные методы можно смело назвать магистральными и применимыми в любой работе. При всей субъективности оценок, думается, общепринято положение: примерные границы и смысловые векторы в журнали-

стиковедении есть, поэтому полезно всегда проводить демаркационные линии при определении конкретных путей исследования МТ. Общие методологические магистрали при разговоре о МТ и ПТ следует отличать от тактических методов и приемов анализа ПТ. Если перечислять частные методы и подходы, то для теории журналистики особенно важны: структурно-функциональный, социологический, политологический, лингвокультурологический, структурно-семиотический, мифологический, компаративный и многие другие подходы. Их синтез встречается в работах о СМИ постоянно, что вполне логично, но подчас данный синтез приводит к смешиванию разных принципов и понятий.

Принято рассматривать ПТ как культурно-информационный (как правило, эстетический) объект, функционирующий в конкретном историко-культурном пространстве и одновременно – вне этого пространства, в сознании воспринимающего (потребителя информации, реципиента). Фундаментальное различие социокультурного и культурологического рассмотрения газетной (да, пожалуй, и всей медийной) информации состоит в том, что последнее предполагает культурократическую систему ценностей, когда духовная культура рассматривается как высшая форма и конечная цель прогресса, не подчиненная политике, экономике и т. д. Эта методическая установка не предполагает каких-либо жестких схем текстологического анализа, хотя аксиоматично требование анализировать ПТ как результат массовидного и одновременно – индивидуально-авторского словесного творчества, что невозможно без рассмотрения ПТ как системы элементов, объективно включенной в «контекст» и «затекст» культуры, т. е. в метасистему реальных иерархических связей МТ с культурным прошлым, настоящим и будущим. Каждый из элементов системы (тема, идея, жанр, проблематика, язык, авторская маска, пафос и т. д.) может быть соотнесен с другими элементами метасистемы, и эта корреляция разрозненных частей целого помогает не только ответить на вопрос о причинах и мере эффективности воздействия МТ на аудиторию, но позволяет хотя бы отчасти избежать методического редукционизма в изучении коммуникативных актов.

Опираясь на идеи предшественников, можно суммировать принципы лингвокультурологического и культуролого-информационного (далее последний термин будет употребляться как единое обозначение данного симбиоза) подходов к ПТ в следующей четырехчастной схеме анализа любого ЖТ:

1. Научно-фактографический уровень анализа (темы, проблемы, жизненные факты и фабула повествования, отвечающие на вопрос

«что»? В «аналитически-художественных» ВПТ подчас важнее вопрос «кто»?).

2. Субъектно-авторский уровень анализа (позиция автора и способы ее выражения, пафос и цель журналистского выступления, характер аргументации и оценки, мотивы жанрового выбора – все, что отвечает на вопрос «кто – зачем, с какой целью?»).

3. Жанрово-стилевой уровень анализа (тональность, лексико-семантическая и ритмо-синтаксическая структура, образные ресурсы языка, тропы и фигуры, характер эстетического завершения высказывания и т. п. – все, что отвечает на вопрос «как, в какой форме?»).

4. Метафизический уровень анализа (восприятие в разное время авторской идеи различными потребителями, моральный урок для аудитории, значение темы и позиции автора для истории и для каждого конкретного человека, т. е. историко-культурный подтекст и контекст ЖТ, перспективы рецепции в историческом движении общества и т. д. – словом, всё, что отвечает на вопрос «что-кто-зачем-как-для кого, кому?»). Ответы на поставленные вопросы можно дать, опираясь на любой из существующих методов анализа текста, но именно культуролого-информационный подход к медийной информации представляется наиболее адекватным [6, с. 42].

Визуализация дискурсов массмедиа, в сочетании с ростом объемов инфографики, рекламы и экспериментального дизайна, очевидна, но ее последствия еще предстоит глубже осознать и точнее оценить. Картинка не должна вытеснить слово. Игра с цифрами тоже хороша при робастности статистики, чего не хватает. Эта деталь, например, меняет многое в толковании роли политических ПТ на российском ТВ (а отчасти и в русском секторе Интернета) в наши дни. Слово, особенно письменное, все чаще дополняется, а то и заменяется, лживой невербальной информацией, содержащейся в видеоряде. В некоторой степени это может относиться к музыке, мимике, интонациям ведущих, например, в ток-шоу «60 минут», где О. Скабеева своей глупой иронией затмевает здравые сообщения. Теоретики журналистики об этом пишут давно и много, но только культурологи двух последних десятилетий (Дж. Бигнел, Н. Поустман и др.) [8, с. 16] показали весь спектр и объем угроз «ящика для идиотов». Выбор потребителем делается в пользу радостей жизни, одной из которых, естественно, является радость общения, узнавания нового, радость культурного диалога. Свобода выбора – ценность неоспоримая и абсолютная. Но противоречие заключается в том, что современная культура не имеет противостояния против безответственности массмедиа. Не хватает в отечественных

ПТ, как и в ПТ ряда иных стран, правды и свободы. В наше время, когда девятый вал непроверяемой информации о событиях вокруг Украины захлестнул общество, что особенно заметно в Сети, изучение медийности столкнулось с необходимостью жестче разграничивать в МТ правду и ложь, факт и домысел. Теоретический анализ проблемы «медийная истина – медийная ложь» убеждает в том, что в новейшей массовой культуре в эпоху Постмодерна возобладали релятивизация истины, «ризоматичность», отменяющая центрообразующие принципы смыслопорождения, иерархичность познавательных стратегий. Возобладала философия, фетишизирующая антииерархическую познавательную стратегию, релятивизирующая этические и эстетические ценности. Следствие подобной всепроникающей релятивизации таково: незаметное искажение реальной картины мира в СМИ, порой непринципиальное в обыденной жизни, приобрело угрожающий масштаб для всей мировой медийной культуры.

Медиакритики справедливо выражают тревогу в связи с засильем информационной «блип-культуры» (blip – выброс сигнала, мелькание), «клипового» сознания. Ж. Бодрийар, говоря о господстве в современной культуре «симулякров», подчеркивал роль «тины мелочей», искажающих (или подменяющих) в сознании человека базовые гуманистические ценности, искривляющих сущностные параметры бытия [6; 9]. Мелочность новостей отражает культ точных «фактиков» в СМИ. Теоретики СМИ призваны решить эту историческую задачу. Решают ли они ее? Нельзя дать однозначный ответ, но и наглости на категорический положительный ответ не хватает, судя по публикациям последних лет, ни у кого. Ответы звучат по-разному у представителей различных научных школ, что естественно.

Сетевые ПТ отражают в первую очередь языковые процессы в СМИ, для национально-языковых типов медийного дискурса это такие процессы, как обогащение словаря журналистов (за счет неологизмов, профессионализмов, коллоквиализмов и т. п.), постмодернистская игра, обилие сокращений, опора на цифры и аргументы специалистов. В большинство ПТ входит в качестве особой смысловой части «коллективный автор», не отменяющий интонационное своеобразие и индивидуальное словотворчество, но меняющий «точку зрения» реципиента, превращая ее в мировоззренческий концепт, в готовый вывод. Отсюда, в частности, вытекает мысль о значении пассивного залога для грамматики сегодняшней газеты Великобритании. Социолингвисты увязывают этот факт и с культурологическим фоном, подчеркивая важность известной английской беспристрастности и «безличности». Можно отме-

тить и резкое увеличение число сложносоставных слов в лексическом репертуаре журналистов в Англии и США, что характеризует уже не только ПТ, но целостность стиля медийного дискурса, который в газетах США можно и нужно, если мы хотим понять стилистические особенности ПТ, рассматривать в контексте эволюции английского языка на территории этой страны. Например, здесь чаще, чем в Англии, не соблюдалось правило согласования времен, всегда была в ходу вульгарная лексика и просторечия, которых с годами стало еще больше. Архетипом национальной американской газеты следует, на наш взгляд, считать ориентацию на такую информационно-коммуникативную целостность, в которой экспрессивно-сенсационные ПТ взаимодействуют с идеалом достоверности и оперативности, подкрепляемым спецификой историко-культурных обстоятельств. Поэтому далеко не всегда стилистически нейтральны названия политических партий, государственных учреждений, организаций и термины, связанные с их деятельностью: House of Commons (Палата общин), Trade Union Congress (Конгресс тред-юнионов). В газетах Англии и США можно часто встретить сокращения: TUC (Trade Union Congress), TV (Television), EEC = European Economic Community. ВПТ всегда интерактивен, направлен на диалог с читателем, что обуславливает его повышенную экспрессивность.

Согласно Ю. Хабермасу, известному философу, занимающемуся вопросами коммуникации, коммуникативный акт с соответствующей осторожностью может быть отделен от несоциального инструментального акта и социального стратегического акта, каждый из которых ориентирован на успех. Хабермас акцентирует внимание на таких коммуникативных актах, которые представлены в речи. Принимающий участие в коммуникативном акте в процессе говорения должен порождать универсальные обоснованные требования и допускать, что они могут быть поддержаны или выполнены. Дискурс в таком случае состоит «из типа разъяснения и аргументации», в котором мы «откладываем непосредственное действие и в котором участники ищут выполнения обоснованных требований, которые могут быть оспорены» [5, с. 178]. Возникает вопрос: как примирить расширение горизонта чувствительности, вызванного информационным взрывом, с одной стороны, и репродуктивный (а не продуктивный) характер «сетевого» мышления – с другой. Раньше люди больше читали, думали и общались непосредственно, а сейчас мы чаще пребываем в состоянии виртуальных контактов, мы далеки от философских размышлений о гармонии и добре. Падает творческий потенциал профессии, чему причиной часто выступает мобильный телефон с выходом в Интернет.

Заключение

Человеческое «медийное» общение – это чрезвычайно многогранный процесс, реализующийся в разных сферах и на разных уровнях социальных отношений и изучаемый различными науками: прежде всего – теорией коммуникаций, теорией журналистики, психологией, когнитивной и социальной лингвистикой. Ядерным элементом любой сетевой площадки, любого ПТ служит установка на сенсацию и на новое знание. Новость – скоропортящийся продукт. Она «продается» свежей, «здесь и сейчас». И уже поэтому язык журналиста обусловлен не только содержанием материала, но и временными параметрами деятельности. И это обстоятельство во многом определяет характер методических процедур при ее анализе. Мы анализируем «чужой анализ», «чужое слово», и как правило, это слово о «незастывшей современности» (М. Бахтин). Да, журналист может писать и о прошлом, и о редкостном явлении, и о собственных маленьких заботах. Но идеальная модель предполагает наличие «общего интереса», предполагает публицистическую заостренность, политическую и социокультурную актуальность, активную мировоззренческую позицию, помогающую создать не только «памятник моменту», но и устойчивое общественное мнение. Еще одна грань медийной информации – особенности социально-языкового общения, связанные с проблемой «диалога неслиянных сознаний» (М. Бахтин), с доверием к журналистике.

Мозг человека, конечно, не в состоянии переварить и тысячной доли того, что попадает в СМИ, а попадает далеко не все, что достойно медийного освещения. Создается парадоксальная ситуация одновременной нехватки и переизбытка информации. Медийной качественной информации явно мало, а развлекательно-отвлекающей медийной продукции слишком много, что и породило грустный парадокс: воды в океане много, да пить нечего. Лонгриды пока не стали модой для широких слоев потребителей. Много цифр о мелочах жизни. Отсюда и недоверие к информации в массмедиа.

При анализе ПТ в парадигмах постмодернистов часто наблюдается игровое, иронически-плюралистическое (релятивистское) отношение к тексту и к признанным ценностям в целом, а интертекстуальность, корреспондирующая с реминисцентностью и «игрой в классику», отражает «ризоматичность структуры» высказывания, дополняющую традиционный методологический принцип системности. В эпоху, когда, по словам Жана Бордийара, в массмедиа «слишком много информации и слишком мало смысла» [1, с. 180], необходимо глубже из-

учать критерии и нормы, отражающие статические (инвариантные) и динамические (вариативные) социокультурные аспекты производства и восприятия медиапродукта. При этом обществу необходимо сделать СМИ более независимыми и правдивыми, менее сервильными и глупыми, необходимо, сократив количество лжи в массмедиа, восстановить доверие к профессии, к миссии журналиста. Без множества теоретических моделей при этом не обойтись.

Литература

1. Бодрийар Ж. Выступление перед студентами СПбГУ // Мысль. Ежегодник Петербургской Ассоциации философов. СПб., 1997. Вып. 1. С. 181.
2. Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса: Пер. с фр. и португ. / [Сост. П. Серио]; предисл. Ю. С. Степанова; общ. ред., вступ. ст. и коммент. П. Серио. М., 1999.
3. Овчинников Л. Онтическое сознание: [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://philosophystorm.org/ontическое> (дата обращения: 15.04.2022).
4. Уэбстер Ф. Теории информационного общества / Пер. с англ. М. В. Арапова, Н. В. Малыхиной. М., 2004.
5. Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне / Пер. с нем. М. М. Беляева и др. М., 2003.
6. Хорольский В. В. Журналистика и публицистика: сослуживцы, близнецы-братья или двуликий Янус? // Акценты. Новое в массовой коммуникации. Воронеж, 2006. № 7-8. С. 42–46.
7. Эпштейн М. От модернизма к постмодернизму: Диалектика «гипер» в культуре XX века // Новое литературное обозрение. 1995. № 16. С. 32–46.
8. Bignell J. Postmodern media culture. Edinburgh, 2000.
9. Castells M. The Information Age: Economy, Society and Culture. Vol. I. The Rise of the Network Society. Blackwell Publishers. Maiden,, Massachusetts, USA. Oxford, UK, 1996.

II. Перед лицом истории

Абдулрахман Хасан Абдулрахман БА ХАРОН

Политические события в Йемене и их влияние на сетевые коммуникации в 2022 году

События в мире и в стране всегда влияли на журналистику Йемена. Целью данной статьи стало рассмотрение и характеристика факторов политического влияния на прессу Йемена и на его сетевые коммуникации. Интернет-технологии позволяют пользователям узнавать новости о различных событиях и создавать новые социальные взаимодействия в онлайн-сообществах. Люди из разных регионов могут узнавать о других культурах благодаря веб-сайтам, что было невозможно до появления Интернета, когда единственным способом получить информацию о других цивилизациях было чтение книг. Например, Facebook, Twitter и другие социальные сети сыграли важную роль в недавних восстаниях в Арабском мире. Тунис был первой страной, которая использовала интернет-технологии среди арабских обществ. Когда в Тунисе началось восстание, тираническое правительство Бен Али не позволяло людям публично выражать свои взгляды и жестоко подавляло протесты. Единственным средством общения и организации были социальные сети. Их влияние привело к революции. Американское издание *Foreign Policy* даже поспешило окрестить события в Тунисе «WikiLeaks-революцией», хотя позже она получила официальное название «жасминовая революция» [2, с. 53].

Сетевые ресурсы Йемена отразили глубину кризиса, охватившего страну в последние годы. Во-первых, конфликт Севера и Юга, к которому прибавляются и конфликтные отношения между племенами западной и восточной частей страны, усугубляемый религиозными и этническими противоречиями, приведет к вооруженной борьбе за власть. Во-вторых, тлеющая с 2011 г. гражданская война активизировалась в ходе «арабской весны» и событий 2014–2016 гг., когда международная коалиция, в которой главенствовала Саудовская Аравия, поддерживаемая Западом, нанесла ряд авиаударов по городам Йемена, что резко ухудшило положение среднего класса и бедноты. Уровень жизни у 75% населения упал до черты бедности. В-третьих, усилилось участие в конфликте внешних сил, например Саудовской Аравии, Ирана и ОАЭ, что позволило США стать арбитром в споре за влияние в регионе с большим экономическим потенциалом.

Весной 2022 г. события в Йемене вновь привлекли к себе внимание мировой общественности. В феврале 2022 г. началась специальная операция армии РФ в Украине, сразу же прекратились поставки в Йемен украинского зерна. Обострилась продовольственная проблема. Вскоре в Саудовской Аравии президент Йемена Абд-Раббо Мансур Хади, возглавлявший правительство в изгнании, подал в отставку. Он был вынужден сложить полномочия и передать власть Временному руководящему совету из 8 членов, избранных поровну от северной и южной частей страны. Во время переговоров в Эр-Рияде принц Саудовской Аравии Мухаммед ибн Салман Аль Сауд вручил президенту Йемена «письменный указ», который меняет ситуацию в Йемене [4]. Компания РБК («РосБизнесКонсалтинг») сообщила 16 апреля 2022 г.: «Президент России Владимир Путин обсудил ситуацию вокруг Украины и урегулирование в Йемене с наследным принцем Саудовской Аравии и министром обороны королевства Мухаммедом бен Сальманом Аль Саудом в телефонном разговоре» [4], в ходе которого была обсуждена гуманитарная катастрофа в Йемене [4].

Вот лишь некоторые факты: 17,4 миллиона йеменцев в настоящее время нуждаются в продовольственной помощи. Недавний отчет посланника ООН свидетельствует о сохраняющемся высоком уровне острого недоедания среди детей в возрасте до пяти лет. По всему Йемену 2,2 миллиона детей уже несколько лет страдают от острого недостатка питания, в том числе почти более полумиллиона детей сталкиваются с тяжелым острым недоеданием, опасным для жизни. Кроме того, около 1,3 миллиона беременных или кормящих матерей страдают от острой недостаточности питания. Очевидно ухудшение продовольственной безопасности в Йемене. На фоне эскалации насилия в Йемене вновь наблюдается рост числа случаев холеры и острой диареи. Война на Украине, вероятно, приведет к значительным потрясениям в импорте, что приведет к дальнейшему росту цен на продовольствие. Йемен почти полностью зависит от импорта продовольствия, при этом 30 процентов его импорта пшеницы поступает из Украины. В Сети с тревогой обсуждают ход специальной операции РФ, которая может обернуться срывом поставок зерна и голодом в Йемене. Обозреватель газеты «Ас-Саура» Кадир Осман Абдул подчеркнул, что «гуманитарная катастрофа усиливается вмешательством извне» [3]. Саудиты согласились на 2 месяца приостановить бомбардировки Саны и других городов, захваченных хуситами. Как же прореагировали на эти события СМИ Йемена?

Прежде всего многие журналисты заговорили о нарушении Конституции: несмотря на коррупцию и гражданскую войну, которая идет уже 8 лет, у М. Хади был авторитет борца с Аль-Каидой и террористами в целом. Он

вёл переговоры с Западом, которые дали хороший результат: займы и культурную помощь. Противников диалога культур и медийной глобализации в арабском мире очень много, их аргументы выглядят серьезно.

На сегодняшний день Интернет в Йемене ещё не стал частью массовой культуры, экономические проблемы, цензура мешают внедрению в практику новейших технологий, благ «всемирной сети». Однако активизация информационализма налицо: в стране растёт число провайдеров. Так, к ведущим Tele Yemen и Yemen Net в 2018 году присоединился альтернативный провайдер Aden Net. Йеменцам помогают специалисты из английской компании Cable and Wireless. Всего насчитывается около 7 миллионов пользователей.

Научных работ о новых медиатехнологиях появляется все больше, многие арабские авторы посещают Запад и Россию, чтобы обмениваться опытом. Их многоаспектность показывает, что связь локального и глобального, связь местного и международного определяет сегодня развитие СМИ Ближнего Востока. Новые и увеличивающиеся способы коммуникации сделали конкуренцию в мире массовых коммуникаций глобальной, а местные споры приобретают транснациональное измерение. Эти открытые и доступные формы коммуникации играют важную роль во фрагментации и формировании новой политической ситуации в стране. Мусульмане, конечно же, не являются приверженцами западных ценностей, у них силен дух национализма, т. е. национальных ценностей, традиций.

Новая идентичность мусульманской политики приобретает многие формы, которые в начальной стадии не являются традиционными для ислама. Появляется новая сфера общественности, появляется новая аудитория, которая готова воспринимать идеи западных ценностей. Но это не отменяет существование новой мусульманской аудитории, которая является сферой культурных, религиозных, социальных стандартов, тоже способствующих распространению массмедиа в современном мире. И мусульмане не уступают Западу, а создают, так сказать, новые формы ответа на вызовы времени. Они не вступают в явный конфликт с Западом, но отстаивают свою идентичность с помощью и традиций, и новых способов передачи информации. Как показывают создатели книги «Новые массмедиа в мусульманском мире», изданной в 2003 г. при участии йеменских авторов, «Организация исламской конференции» (ОИК), другие арабские организации стараются с помощью СМИ распространить ценности арабского мира, передать лучшее в своем наследии на Запад. И когда появляются фундаменталисты, которые требуют силой проповедовать ислам, му-

дрость Корана, они не получают поддержки даже в самих арабских странах [7, с. 56].

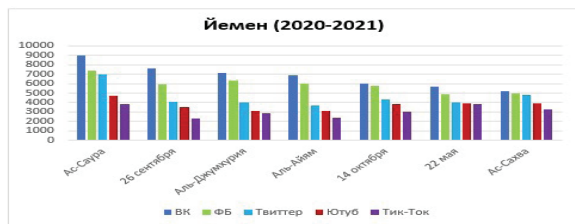
Теоретик Ричард Нортон в главе «Новые массмедиа, гражданский плюрализм и борьба за политические реформы», лучшей части рассматриваемой книги, подчеркнул, что образы, культурные символы, стереотипы, имиджи, которые распространяет телевидение и другие средства массовой информации сегодня, создают долгосрочные медиа-эффекты, они, например, подтверждают мысль, что в арабском обществе, как и в Европе, СМИ служат инструментом манипуляции. Везде «существует проблема взаимодействия гражданского общества и власти» [7, с. 58]. Сегодня, по мнению автора рассматриваемой статьи, известного аналитика, долго изучающего мусульманский мир, проблема плюрализма мнений часто возникает в странах Арабского Востока. В начале этого века первым побуждением арабских режимов было искать способы контролировать гражданское общество (ГО).

Отчасти это было основано на страхах перед политической подрывной деятельностью, но также и на опасениях консервативных и религиозных элементов, что это подорвет «традиционные» ценности – опасения, которые в обоих случаях были вполне обоснованными. Например, в Саудовской Аравии совет министров издал свод интернет-правил, которые, среди прочего, запрещали пользователям публиковать или получать доступ, если в медийных текстах (МТ) есть: а) что-либо, противоречащее основополагающему принципу или законодательству, или нарушающее святость ислама и его благожелательный шариат, или нарушающее общественную порядочность; б) то, что противоречит государству или его системе; в) сообщения или новости, наносящие ущерб вооруженным силам Саудовской Аравии, без одобрения компетентных органов; г) что-либо, наносящее ущерб достоинству глав государств или глав аккредитованных дипломатических миссий в королевстве. Из этого было неясно, как пользователи могли убедиться, что информация не является ложной или наносящей ущерб исламу или достоинству глав государств и т. д. Интернет-провайдеры должны были вести подробные записи о пользователях, включая «цель использования», «потраченное время, адреса, по которым был осуществлен доступ или к которым или через которые была предпринята попытка доступа, а также размер и тип скопированных файлов», и «предоставить властям их копию, если необходимо». Однако самое главное, что интернет-провайдеры должны были направлять весь трафик через Подразделение интернет-услуг (ISU) в Научно-техническом центре имени короля Абдулазиза в Эр-Рияде.

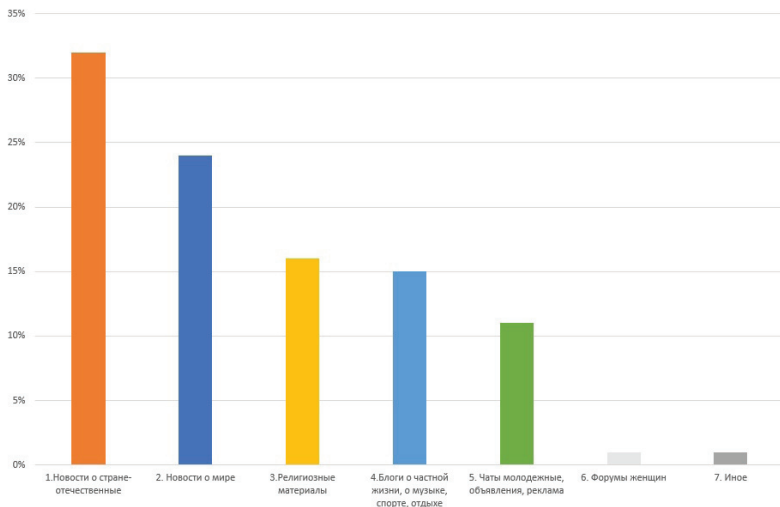
Р. Нортон видит самоизоляцию, этническую ограниченность арабских журналистов и говорит о том, что авторитетная интерпретация ислама, которая укрепляет науку на Востоке, часто отсутствует в массовых аудиториях, а мусульманские страны предлагают своим гражданам западную культуру в сокращенном, урезанном варианте. Это является, на взгляд автора, препятствием для идущего диалога, потому что нет правильного понимания, что такое западная культура сегодня. С другой стороны, Запад также, по мнению автора, не проявляет желания переводить восточных авторов, не желает знать лучше, как живут люди на Востоке. Такое отсутствие реального интереса тоже неправильно. И чтобы интенсифицировать диалог, нужна система связи, система коммуникативных обменов, которые позволят улучшить политические отношения между странами. Нужно бороться с цензурой, так как СМИ говорят о том, что некоторые слои общественности с гораздо большим энтузиазмом относятся к цензуре, чем сама власть. Йеменские интернет-фильтры легко обойти [6]. Но число пользователей всё равно невелико – в пределах 10 миллионов человек, половина из которых не являются регулярными и сознательными пользователями. В начале 2010-х гг. в Йемене было не более двух миллионов пользователей. В те же годы в Египте насчитывалось 8,6 миллионов, в Марокко 7,3 миллиона и в Саудовской Аравии 6,2 миллиона. Как и следовало ожидать, самые высокие темпы проникновения сетевых коммуникаций и гражданской сетевой журналистики обнаружены в некоторых богатых государствах Персидского залива: ОАЭ (49,8%), Катар (37,8%), Бахрейн (34,8%) и Кувейт (34,7%) – все они значительно выше среднемировых показателей.

Наиболее популярные газеты, имеющие сегодня онлайн-версии, перечислены в диаграмме №1, где указано число подписчиков на газеты в сети.

Йемен (2020-2021)

О содержании йеменских сетевых изданий говорит диаграмма № 2:

В диаграмме № 2 отражено преобладание интереса к новостям – внешним и внутренним (первые два столбца), в итоге составляющим более половины контента. 17% занимают религиозные материалы, проповеди и сообщения о распространении ислама в мире. Молодежные темы составляют 12%, 3% приходится на долю женских материалов и т. д. О гендерно-возрастной природе аудитории говорит диаграмма № 3. На ней отмечено, что в возрасте до 10 лет активнее пользуются сетью мальчики: из 100% пользователей на долю детской мальчишеской аудитории приходится 4%, в то время, как девочки забирают только 2%. В группе от 10 до 19 лет пропорция тоже в пользу ребят: 21% против 14%. В группе от 20 до 29 лет ситуация почти сравнивается: 24% против 22,7%. У молодых людей в группе от 30 до 39 лет доля мужской аудитории составляет 25%, тут, напротив активнее девушки: у женщин – 28%. В группе от 40 до 49 лет тоже лидируют женщины: их показатель 19%, у мужчин 12%. Аудитория от 50 до 60 лет почти равная – 8 и 9 процентов соответственно. Среди пожилых людей от 60 лет мужчин, пользующихся Интернетом, чуть больше – 6%, у женщин – 5%. Но это в процентном отношении к 100% общей гендерной аудитории. В количественном отношении мужчины имеют перевес в 3-4 раза.

В 2006 г. в Каире педагог и публицист Ханнан Юсеф опубликовал книгу «Журналистика в образовательных и воспитательных учреж-

дениях». Этот автор является членом организации медиаобразования при ЮНЕСКО. Пишет он и о медиаобразовании в Йемене. Он отмечает, что сегодня роль журналистики, массмедиа в воспитании молодежи и детей возрастает, т. к. дети с самого раннего возраста смотрят телевизор, посещают Интернет, в воспитательных учреждениях, «в школе можно найти специальные программы, которые являются поучающими, и можно найти полезную информацию в области литературы, искусства» [5, с. 75].

В современной сетевой медиасреде финансовую гонку пока выигрывает сайт BaraqishNet, ориентирующийся на стандарты общества потребления, на передачу скандальных и развлекательных новостей. Его главный редактор Мустафа Абдулла, директор Мохамед Нагиб, а также коллектив (Маджд Аль-Джунаид, Абдулла Абдул Хаким и др.) активно сотрудничают с потребителями, которые часто выступают и в качестве создателей контента, особенно визуального.

За последние 15 лет Арабский регион стал свидетелем крупных технологических преобразований, которые изменили нормы ведения бизнеса, практики управления и осуществления усилий в области развития в регионе. С учетом того, что более 125 миллионов человек в арабском регионе уже в 2008 году пользовались Интернетом, а более 53 миллионов активно использовали технологии социальных сетей [1, с. 23], можно сказать, что сегодня цифры удвоились. Благодаря быстрому распространению Интернета миллионы людей на Арабском Востоке и за его пределами получили возможность свободно выражать свое мнение. В силу разных причин многие из них были лишены подобного права: партии левого толка, исламисты и правозащитники не могли этого сделать по политическим мотивам, шииты и христиане в определенных странах боялись нарушить религиозные устои. Некоторым из них удалось максимально использовать все преимущества этого технологического новшества. Так, религиозные сайты, организованные мусульманами, лучше других приспособились к новым веяниям, постепенно стали пользоваться популярностью и быстро распространились по всему Интернету.

Большинство арабских правительств приняли принципы прав человека, включая право на свободу слова. Но цензура все еще существует, даже приводя к тюремному заключению, убийству или изгнанию тех, кто выступает против основного течения политических событий, что произошло в Сирии, Йемене и некоторых других арабских странах. Однако глобальное давление с целью присоединения к экономике знаний означает, что государства региона больше не могут

позволить себе держать свою политику в цифровом «наморднике» и с закрытыми глазами. Граждане деспотических стран полагаются на компьютерную коммуникацию, поскольку она обеспечивает им относительную безопасность при выражении своего мнения.

Литература

1. Аль-Муайед, Абдульвахаб Али. Энциклопедия йеменской журналистики. Сана, 2009.

2. Ба Харон Абдулрахман Хассан Абдулрахман. Журналистика Йемена вчера и сегодня: к проблеме новых медиа на арабском Востоке // Журналистика развивающихся стран: переходный этап эволюции. Воронеж, 2019. С. 52–65.

3. Кадир Осман Абдул. Гуманитарная катастрофа (на араб яз.): [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://yandex.ru/video/preview/?text=vast&filmId=627517300982313008> (дата обращения: 28.06.2022).

4. Путин обсудил Украину и Йемен с наследным принцем Саудовской Аравии: [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/625aa1559a7947008a3923a0> (дата обращения: 28.06.2022).

5. Юсеф Ханнан. Журналистика в образовательных и воспитательных учреждениях. Каир, 2006. (На араб.яз).

6. The Arab World Online: Trends in Internet Usage in the Arab Region: [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://efaidnbmnnnibpcajpcglc.elfindmkaj/http://img.b8cdn.com/images/uploads/article_docs/dsg-gip_bayt_report_final_16822_EN.pdf (дата обращения: 30.06.2022).

7. Eickelman D.F., J.W. Anderson (ed.). New Media in the Muslim World. The Emerging Public Sphere. Bloomington, Indiana UP, 2003.

Образ ополченца в военной публицистике Захара Прилепина

(«Всё, что должно разрешиться...»)

Русская военная публицистика имеет богатую историю, ее основы закладывались ещё в древнерусском летописании. На всех этапах ее развития публицисты не только вели хронику военных столкновений, но и создавали образы защитников родины.

Начало XXI века дало новый импульс развитию военной публицистики в России. С 2014 года военные события на Донбассе находят своих летописцев: Эдуард Лимонов, Владлен Татарский, Геннадий Дубовой, Владислав Шурыгин, Михаил Поликарпов, Виталий «Африка», Павел Губарев, Борис Рожин. Среди публицистических откликов на происходящее в Донбассе заметно выделяются произведения Захара Прилепина, писателя, публициста, политика, телеведущего, музыканта, киноактера, бойца и офицера ряда спецподразделений, участника нескольких локальных конфликтов (в том числе и в ДНР).

Особого внимания заслуживает публицистический цикл Прилепина «Всё, что должно разрешиться...», густонаселенный героями, отличающийся своим многоголосием. В предисловии автор отметил: «В этой книжке нет или почти нет меня: мой личный Донбасс останется за кадром. Моя роль здесь – слушатель и наблюдатель. Главные персонажи книги – те, кто пережил эту историю и сделал её сам» [3]. Автор практически не изображает батальных сцен, для него важно дать возможность высказаться каждому герою, создать портреты защитников Донбасса – и рядовых ополченцев, и полководцев.

В самом начале произведения Прилепин, используя ряд сравнений, создает коллективный портрет защитников Донбасса: «Сразу после таможни ты попадаешь в удивительную реальность: разнообразные, похожие то на ангелов, то на демонов ополченцы, шахтёры и казаки, осетины и чеченцы, много оружия, громкие голоса, шутки, – все были весёлые, как на самой весёлой свадьбе» [3].

Необычность этой реальности выражается в сравнении ополченцев со сверхъестественными существами – ангелами и демонами. Прилепин отмечает, что воины своим внешним обликом создавали у него ощущение «удивительной реальности». Также автор

подчёркивает весёлое настроение своих героев, которое сравнивается с состоянием людей, справляющих весёлую свадьбу. И тут же чувствуется явный контраст – война и свадьба. В книге Прилепина война становится свадьбой, а ополченцы – главными гостями торжества.

Подобное сравнение мы можем обнаружить и в романе Прилепина «Некоторые не попадут в ад»: «Всё вокруг было весело, словно на пикнике, где люди готовят мясо» [2, с. 41]. Снова писатель подчёркивает позитивный настрой воинов и сравнивает обстановку войны с обстановкой пикника. Война у Прилепина имеет праздничное лицо. Наблюдая за ополченцами, общаясь с ними, автор так понимает мотивацию героев: «На Донбассе впервые в XXI веке сложился истинный, идеалистический, а не за деньги собранный интернационал – почти как в Испании, – когда сербы, норвежцы, финны, французы, американцы, а также представители почти всех республик Советского Союза, движимые кто “правыми” убеждениями, кто “коммунистическими” (но никто – либеральными) съехались воевать за свободу дончан» [3].

Прилепин, как и его предшественники в области военной публицистики, отмечает идеализм, которым преисполнено ополчение. Настоящие мужчины из разных стран приехали сражаться с украинским нацизмом. Автор подчеркивает, что они воюют не за деньги, как это делают типичные наёмники, а исключительно за идею. Публицист очень точно сравнивает участников Донбасской герильи с интернациональным ополчением Испании 1936–1939 годов.

В либеральном сообществе всего мира ещё с 2014 года сложилось такое мнение, будто бы со стороны Донецка и Луганска воюют исключительно представители маргинальной среды. Герой Прилепина – интеллигентный ополченец-грузин Теймураз – своим участием в войне прекрасно развенчивает этот миф. Автор описывает его так: «Высокий, красивый библейской красотой мужчина. Широко расставленные глаза, спокойный, внимательный, сдержанный. 37 лет» [3]. Общаясь с Теймуразом, Прилепин отмечает, что ему не совсем верилось, что перед ним, на Донбассе, сидит «преуспевающий московский бизнесмен, говорящий на нескольких языках» [3]. Из беседы с ним писатель узнаёт, что Теймураз ради участия в обороне Донбасса бросил не только свою работу, приносящую хороший доход, но и развёлся со своей женой, переписав на неё всё имущество. Это истинный пример проявления идеализма в человеке вполне материально обеспеченном. В произведении Захара Прилепина встре-

тятся воины, подобные Теймуразу: такие же феноменальные люди, ломающие привычные стереотипы.

Существенную часть своего произведения Прилепин посвящает знаменитым полководцам Донбасса: Александру Владимировичу Захарченко («Бате»), Арсению Сергеевичу Павлову («Мотороле»), Владимиру Артёмовичу Жоге («Вохе») и другим ключевым персонам сопротивления украинскому нацизму.

Создавая портрет Захарченко, автор обращает внимание на каждую деталь. Прилепин изображает «Батю» простым русским мужиком «с внимательным, иногда тяжёлым взглядом, с чуть оттопыренными ушами» и «с почти юношеским, заливистым смехом» [3]. Автор отмечает, что у Александра Владимировича, когда он злится, «ноздри раздуваются», и «лицо может побелеть от бешенства» [3]. Захар Прилепин иронизирует: «Не человек, а пособие для физиолога, или кого там, психолога» [3].

Несмотря на отсутствие во внешности Захарченко черт романтического героя, Прилепин отмечает, что он – «именно что идеалист» [3]. Только идеалист мог сформировать народное ополчение для борьбы с целым государством, имеющим многотысячную армию. Его батальон «Оплот» имел в своём основании высокий идеал – товарищество.

Психологический портрет героя вырастает из диалога с автором, а также из авторских ремарок. Захарченко, общаясь с Прилепиным, рассказывает ему о военной истории своей семьи, которая на генном уровне и определила его личное отношение к войне. Вот важный разговор, раскрывающий сущность «Бати» как воина:

«– А ты ведь был без бронежилета?

– Я ж не ношу его никогда. Я посчитал, что лучше возьму восемь лишних рожков, чем один бронежилет. По весу почти одно и то же, но рожки – они ценнее, чем бронежилет» [1].

Захарченко изображается Прилепиным не только как воин; публицист отмечает достойный уровень его эрудиции, о чём свидетельствует авторская ремарка: «Захарченко, кстати, “...мушкетёров” и ещё пяток романов Дюма именно что не смотрел, а читал; равно как “Войну и мир” и “Тихий Дон”, которые помнит в подробностях, и порой по цитатам» [3]. «Батя» предстаёт перед нами в образе просвещённого полководца.

Отдельного внимания заслуживает портрет Арсения Павлова, комбата «Спарты». Автор, используя различные средства художественной выразительности, смог создать оригинальный облик

«Моторолы». Например, с помощью сравнения: «Моторола мог бы встать в один ряд с удачливыми командирами и партизанами Отечественной, Гражданской, и так далее – он явил собой нечто среднее между Денисом Давыдовым и Чапаевым» [3]. Оксюморон и сравнение подчёркивают необычную внешность героя: «...русский националист с не очень русским лицом безупречно смотрелся бы среди воинства Чингисхана и всех остальных чингизидов: рыжая его борода, угорский разрез глаз, косая улыбка – всё будто оттуда» [3].

Важный штрих к психологическому портрету героя – его объяснение причин участия в защите Донбасса. Он приехал на войну добровольно, оставив привычную жизнь и семью ради борьбы за идею русского мира. Вот как он формулирует мотивы своего поступка: «Я пришёл защищать свой народ, с которым я родился в одной стране. И я не считаю, что украинец или белорус — это определение национальности. Это региональное определение, потому что мы один народ. С кем мы могли так перемешаться, чтобы стать разными национальностями? Ни с кем! Мы все русские по определению – одна большая славянская семья» [3].

Еще одна деталь – упоминание автора о рэперском таланте Арсения Павлова. Прилепин отмечает, что в текстах «Моторолы» «было то, чего так не хватает русскому рэпу: полное отсутствие понтов и абсолютная ответственность человека за всякое сказанное им слово» [3].

После трагической гибели Арсения Павлова командиром батальона «Спарта» стал его заместитель Владимир Артёмович Жога, известный под позывным «Воха». В своём произведении Захар Прилепин ему уделяет пусть и не так много внимания, как «Бате» и «Мотороле», но всё-таки небольшую главу посвящает.

Автор «Всё, что должно разрешиться...» находит Владимира «невысоким, очень спокойным, немногословным молодым человеком с небольшой бородой» [3]. Казалось бы, ничего примечательного и удивительного в его внешнем портрете нет, но ведь удивляет совсем другое, что он в свои 23 года командует батальоном, «известным, прямо говоря, на полмира» [3]. И, судя по наблюдению писателя, со своими обязанностями Владимир справляется очень даже хорошо: «Это, скрывать не стану, впечатляет: заходят здоровые, лет по пятьдесят мужики, Воха спокойно отдаёт им команды, они уходят. То, что новому комбату «Спарты» всего 23 года, – сложно не оценить, конечно» [3].

Прилепин замечает: «В бою я Воху не видел, но зато в самых разных обстоятельствах его видел, и не раз, знаменитый военкор Семён

Пегов, и всегда рассказывал мне, что Воха на редкость бесстрашный человек. Пегов в этом понимает, он сам бесстрашный. И если уж он кого-то хвалит, тут степень мужества должна быть такая, что для неё и подходящего эпитета сразу не найдёшь» [3]. И, конечно же, Владимир такой же идеалист, как и Александр Захарченко, как и Арсений Павлов. Для него нет каких-то пределов в совершенствовании батальона. Он утверждает, что «Спарта» стремится «всё выше и выше», как завещал сам «Моторола» [3].

В произведении «Всё, что должно разрешиться...» есть герои, которые одним фактом своего участия в защите Донбасса ломают привычные стереотипы, шаблоны. Это тот самый средний класс, который совершил неожиданный, на первый взгляд, выбор – бросил свою успешную карьеру и пошёл воевать.

Захар Прилепин имел возможность общаться с такими уникальными людьми. Одним из них был глава министерства связи Донецкой народной республики, полковник армии ДНР Виктор Яценко. Автор так описывает своего героя: «<...> Яценко не должен был попасть в ополчение никогда. Его тип являл собой не просто слом шаблона, а реальный сбой существующей внутри меня системы представлений. Передо мной сидел безупречно одетый молодой человек: костюм, ботинки, отлично выбритый, чётко поставленная речь, уверенная жестикация» [3]. Как мы узнаём из рассказа самого Виктора, он получил образование в Англии, часть жизни провёл в Москве, до событий на Майдане 2014 года имел даже своё прибыльное дело. Мы видим хорошо обеспеченного молодого человека, который вообще мог и не принимать никакого участия в обороне Донбасса. Однако Яценко ещё с начала событий на Майдане чётко занял антимайдановскую позицию: участвовал в драках, закупал на свои деньги арматуру для будущих уличных столкновений с нацистами, а несколько позже занялся реализацией проекта на основе шифрованной телефонии. Яценко раскрывает Прилепину причины своего участия в Донбасской войне. По экономическим соображениям он не хотел, чтобы экономика Украины попала в зависимость от евроассоциаций, а по идеологическим убеждениям, как он сам рассказывает автору, ещё «в детстве на контурной карте Россию рисовал вместе с Украиной и не воспринимал никакие другие границы, потому что город Херсон основал князь Потёмкин по указу Екатерины» [3].

Не менее парадоксальным участником Донбасского сопротивления является глава общественной организации «Народное ополчение Донбасса» и начальник мобилизационного управления министерства обороны ДНР Павел Губарев. Из рассказа героя мы узнаём, что до

Майдана он мог себе «позволить ездить по Европе всё лето, мог себе позволить всякие “ништяки”, собирался квартиру покупать» [3]. Павел – самый типичный материально обеспеченный представитель среднего класса. Вместо сохранения своего социального положения он тоже выбрал путь сопротивления: «Майдан был нам чужд на уровне культурно-исторических идей и мифов» [3].

Захар отмечает, что «подобных примеров – десятки, а то и сотни» [3]. Он приходит к выводу: «На Донбассе произошла революция среднего класса» [3]. Представители среднего класса повели себя нетипично, для этих людей идея «русского мира» оказалась выше буржуазных ценностей, продиктованных Западной цивилизацией.

Уже упоминалось, что Прилепин не изображает батальных сцен; читатели получают представление о героизме защитников Донбасса из скупых реплик героев произведения. Например, лаконичный рассказ «Бати» воссоздаёт ситуацию героической обороны Дебальцево: «Мы с моей “личкой” держали оборону фронта порядка двух километров. Шесть человек держали фронт – два километра! И нормально держали, ни одна собака не прошла...» [3]. Ещё более скупую и сухую фактическую информацию о подвигах мы узнаём из хроники военных событий, изложенной самим Прилепиным. Например, из уст автора мы узнаём о том, что батальон «Луна» после захвата стратегически важной высоты Саур-Могилы отбил «шесть мощнейших атак», а бойцы «Востока» при дальнейшей обороне точки «будут несколько раз вызывать огонь на себя» [3].

Стоит отметить, что обращение к портретной и речевой характеристике героев подчинено в произведении Прилепина главной идее текста. И портреты, и речь защитников Донбасса связаны с основным содержанием их образов. Портрет чаще всего иллюстрирует особенности характера, манеру поведения, темперамент героя, его отношение к действительности, а речь даёт представление о его уровне мотивации и образования.

Важно отметить, что ополченец у Прилепина получается в духе традиций русской военной публицистики: спокойный, сдержанный, идейный, харизматичный, отважный. Все воины, представленные в произведении Прилепина, это русские стойкие, богатыри нового времени.

Таким образом, произведение Прилепина «Всё, что должно разрешиться...», насыщенное репликами защитников Донбасса, содержащее множество внешних и психологических портретов ополченцев, позволяет в определенной степени «оценить накопленный военной

публицистикой за многовековой период ее существования громадный потенциал, актуальный и сегодня» [1, с. 17].

Литература

1. Гладышева С. Н. История военной публицистики как важная составляющая обучения военных журналистов // Медиа в современном мире. 61-е Петербургские чтения: сб. матер. Междунар. научн. форума (21–22 апреля 2022 г.) / отв. ред. А. А. Малышев. В 2 т. Т. 2. – СПб.: М, 2022. – С. 15–17.
2. Прилепин З. Некоторые не попадут в ад : роман-фантазмагория. М., 2019.
3. Прилепин З. Письма с Донбасса. Всё, что должно разрешиться...: хроника идущей войны: [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://knizhonka.com/read-book/pisma-s-donbassa-vse-chto-dolzho-razreshitsya-zahar-prilepin.html> (дата обращения: 28.03.2022).

К вопросу о традициях дореволюционной отечественной журналистики в прессе русского зарубежья (1920-1940 гг.)

Пресса русского зарубежья, созданная эмигрантами из России после событий 1917 г. во многих странах мира, являлась неотъемлемой частью общего процесса развития отечественной печати. Она содержательно и по форме продолжала традиции дореволюционной журналистики. Русскоязычные периодические издания имели особое значение для русских эмигрантов – они способствовали консолидации, объединению оторванных от родины и рассеянных по всему миру русских людей. Прессе было суждено сыграть значительную роль в формировании русского зарубежья, этой «альтернативной» России, не имеющей географических границ.

Заметна типологическая преемственность периодики русского зарубежья, идущая от дореволюционной журналистики. Если в первой половине XX века на Западе и в России наблюдалось господство газет, то для системы печати эмиграции характерно преобладание журналов, свойственное журналистике XIX века. Это соответствовало особенностям социально-демографической структуры аудитории читателей русского зарубежья (наличие большого числа образованных людей, привыкших к регулярному чтению художественной литературы, активно интересующихся событиями на родине и в мире). Первый большой журнал эмиграции «Грядущая Россия», созданный в Париже в 1920 г., обозначил идею возврата к культуре «толстого» журнала, на который ориентировалась русская интеллигенция XIX – начала XX вв. «Грядущая Россия», несмотря на короткий срок своего существования (было выпущено всего 2 номера), стала своего рода школой для собирания лучших литературно-журналистских сил зарубежья.

Прямым преемником «Грядущей России» стал самый авторитетный и долговечный «толстый» журнал эмиграции «Современные записки», который выходил в Париже с ноября 1920 по 1940 годы. Он прекратил свою деятельность в связи с оккупацией столицы Франции нацистской Германией. Сам выбор названия издания демонстрировал обращение к опыту журналистики XIX века – знаменитым журналам «Современнику» и «Отечественным запискам». Несмотря на эсеровскую принадлежность редакции, в журнал привлекались авторы самой разной политической ориентации. В программном заяв-

лении «Современных записок» задачи в области культуры превалировали над политическими, что во многом и определило успех издания.

«Современные записки» продолжали традицию общественно-политического и литературного журнала, который, начиная с «Вестника Европы» Н. М. Карамзина, играл значительную роль в русской культуре XIX – начала XX вв. В литературном отделе публиковались художественные произведения высокого уровня; среди авторов – А. Н. Толстой, Б. К. Зайцев, И. А. Бунин, И. С. Шмелев, М. А. Алданов, А. М. Ремизов, М. А. Осоргин, В. В. Набоков, З. Н. Гиппиус, Д. С. Мережковский. Страницы публицистического отдела отдавались материалам о политической и культурной жизни, литературной критике, философским сочинениям, обзорам книжных новинок.

Заметной вехой в деятельности периодики русского зарубежья стало возобновление усилиями П. Б. Струве крупнейшего либерального журнала «Русская мысль», который выходил с перерывами в 1921–1927 гг. и смог сохранить типологические ориентиры «толстого» журнала. Еще одной попыткой возобновления в эмиграции дореволюционного издания стал сатирический еженедельник «Сатирикон», издававшийся в Париже в 1931 г. (вышло 28 номеров). Он старался продолжить традиции своих предшественников – петербургских «Сатирикона» (1908–1914 гг.) и «Нового Сатирикона» (1913–1918 гг.). Однако, несмотря на участие прежних авторов (Саша Черный, Н. А. Тэффи и др.), тон третьего «Сатирикона» оказался далеко не созвучным прежним журналам. Сказались условия эмиграции: в произведениях неизменно слышалась тоска о прошлом.

Стремление издателей расширить читательскую аудиторию способствовало обращению к типологическому ориентиру иллюстрированного еженедельника, популярного в России на рубеже веков. Большое внимание читателей эмигрантов привлек еженедельный журнал «Иллюстрированная Россия», основанный М. П. Мироновым в 1924–1939 гг. в Париже. Образцом для него послужила дореволюционная «Нива». В нем печатались художественные произведения, были специальные разделы для детей, женщин, семейного чтения и развлечения. Журнал был хорошо иллюстрирован, его нередко называли фотолетописью русского зарубежья. По традиции «Нивы» в качестве приложения предлагалась дешевая подписка на собрание сочинений классиков, энциклопедии, справочники. Бесплатное приложение к «Иллюстрированной России» достигало 52-х книг в год. Так были переизданы многие русские классики, опубликовано множество воспоминаний.

В русском зарубежье заметно увлечение религиозной философией, что стало продолжением интеллектуальных дискуссий Серебряного века,

начатых петербургскими журналами «Новый путь», «Вопросы жизни» и сборником «Вехи». Религиозно-философские журналы «Путь» (1925–1940 гг.), «Новый град» (1931–1939 гг.), выходившие в Париже, стали привычными ориентирами для мыслительного пространства русского зарубежья. В публикациях Н. А. Бердяева, Г. П. Федотова, С. Н. Булгакова, И. И. Бунакова-Фондаминского представлено всестороннее обоснование явлений и событий, происходящих в жизни как отдельного человека, так и общества в целом. В системе периодики русского зарубежья существовала сеть равноуровневых религиозных изданий, что продолжало традиции дореволюционной печати. Подобная пресса была представлена как религиозно-философскими журналами, так и официальными церковными изданиями разных конфессий, журналами различных церковных обществ, изданиями для широкого круга прихожан.

Многочисленные периодические издания, созданные эмигрантами за рубежом после революции 1917 г., следуя традиции качественной периодики, обращались к обсуждению наиболее важных вопросов в жизни человека и общества. Показательна деятельность ведущих газет «Последние новости», «Возрождение», «Руль», «Дни», публикации которых создавали у эмигрантской аудитории представление о сущности процессов, происходящих как на родине, так и в русском зарубежье, в мире. Приоритет при этом отдавался традиционным для отечественной публицистики проблемам – судьба России, русский национальный характер, патриотизм.

Практически все известные писатели, оказавшиеся на чужбине, считали своим долгом участие в публицистической работе, активно выступая на страницах русскоязычных периодических изданий и сборников. В статьях, очерках, эссе И. А. Бунина, И. С. Шмелева, Д. С. Мережковского, З. Н. Гиппиус, М. А. Алданова А. И. Куприна, А. Т. Аверченко основным лейтмотивом стала тема родины, ее прошлого, настоящего и будущего. Публицисты стремились осознать роль революций в судьбе России и судьбе самой эмиграции, дать обоснованный анализ Октябрьской революции и ее последствий. Важно отметить, что публицисты ставили вопрос об ответственности всей русской нации за большевизм. Ф. А. Степун в статье «Мысли о России» утверждал, что «в деле разгрома России все русские люди связаны друг с другом круговой порукой вины и ответственности, и что в страшную судьбу России каждый отдельный русский человек и каждый социальный слой внесли свою кровавую лепту, свою незамолимую вину» [2, с. 282–283]. Публицист был уверен, что, не взяв на себя полной меры ответственности за все случившееся в России в годы большевизма, российская демократия не будет иметь права на участие в его преодолении.

В центре внимания публицистов-эмигрантов находились и характерные особенности русской нации. И это закономерно, т.к. многие мыслители русского зарубежья искали причины недавнего революционного прошлого не во внешних факторах, а в самих себе, в свойствах своей нации. Самопознание и развитие национального сознания русских отличало философскую публицистику Н. А. Бердяева, И. А. Ильина, Н. О. Лосского, П. Н. Милокова, Ф. А. Степуна, Г. П. Федотова. Они, как правило, отмечали сосуществование и взаимодействие противоречивых качеств русского национального характера.

Среди положительных черт указывались духовность, смирение, способность безропотно нести страдание, патриотизм, религиозность, искание царства правды, совестное созерцание, органическая естественность и простота. В качестве отрицательных свойств русских и русскости рассматривались экстремизм, максимализм, невыработанность характера, отсутствие дисциплины, анархизм, чрезмерность критики. По мнению Н. О. Лосского, «большевистская революция есть яркое подтверждение того, до каких крайностей могут пойти русские люди в своем смелом искании новых форм жизни и безрадостном истреблении ценностей прошлого» [1, с. 390]. Очевидна сопряженность многих высказываний публицистов-эмигрантов с мыслями, заявленными в статьях П. Я. Чаадаева, А. И. Герцена, Ф. М. Достоевского, В. С. Соловьева.

Для публицистического процесса русского зарубежья характерна эволюция взглядов на события, происходящие на родине, изменения в их оценках. Ностальгия по оставленному Отечеству, мучительное переосмысление своего прошлого, реакция на введение в стране нэпа и ее первые видимые успехи способствовали появлению движения сменовеховства, идеи которого нашли широкое отражение в статьях Н. В. Устрялова, Ю. В. Ключникова, А. В. Бобрищева-Пушкина и др. В публицистике русского зарубежья также представлена идеология евразийства – статьи в сборниках «Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев», «На путях. Утверждение евразийцев», «Евразийской хронике», журнале «Версты», еженедельнике «Евразия» и др. И сменовеховство, и евразийство вызвали бурную дискуссию в прессе эмиграции первой волны.

Публицистика русского зарубежья, отразившая пестроту воззрений, интересов и политических пристрастий эмигрантов, прошла нелегкий путь от яростных полемических схваток до признания необходимости общей работы на благо родины. На страницах периодических изданий и сборников формировалось представление о духовной миссии эмиграции, которая заключалась не просто в сохранении, но и развитии бога-

того культурного наследия России, а также спасении от большевизма не только страдающей родины, но и всего европейского мира.

Для публицистики русского зарубежья характерны ярко выраженное личностное начало, установка на полемичность текстов, стремление уйти от назидательности, приглашение читательской аудитории к соразмышлению, высокий литературный уровень, прогностичность. Публично обсуждая насущные вопросы, касающиеся катастрофы на родине, проблем жизни на чужбине, дальнейшей судьбы России, публицисты оказывали заметное воздействие на идейно-политическую и социокультурную ориентацию эмигрантов.

В русском зарубежье получила продолжение заметная традиция русской дореволюционной периодики – тесная взаимосвязь литературного и журналистского процессов. Отделы литературы или литературные страницы существовали, как правило, в каждом издании, включая и ежедневные газеты. Читатели получали возможность знакомиться с лучшими образцами отечественной и зарубежной словесности. Крупнейшая эмигрантская газета «Последние новости», выходявшая в Париже в течение 20 лет, каждую неделю отдавала несколько страниц поэзии, художественной прозе, литературоведческим статьям. В ежедневной газете «Дни» (1922–1925 гг.), издававшейся сначала в Берлине, затем в Париже, также был сильный литературный отдел, которым заведовал М. А. Осоргин. В газете печаталась проза Б. К. Зайцева, И. А. Бунина, З. Н. Гиппиус, Д. С. Мережковского, А. М. Ремизова, И. С. Шмелева, М. А. Алданова. Осоргин привлек В. Ф. Ходасевича в качестве литературного критика, что сделало литературный отдел газеты одним из самых авторитетных.

Литературно-художественная критика русского зарубежья, опирающаяся на дореволюционные традиции, представляет собой значительное явление. На страницах газет и журналов в полной мере нашел отражение весь спектр проблем, стоявших перед литературной критикой в зарубежье и тесно связанных с общими задачами эмиграции. Среди них – сохранение русского культурного наследия, популяризация его на Западе, стремление на литературном материале выявить причины произошедшей в России катастрофы и поиск выхода из духовного кризиса.

В центре пристального внимания литературной критики эмиграции постоянно находилось изучение русской классической литературы (прежде всего творчества Пушкина, Гоголя, Достоевского, Толстого, Тургенева, Чехова) и соотнесение ее с опытом современности. Обращение к наследию отечественной литературы XIX века на страницах периодических изданий русского зарубежья было закономерно.

Сохранение русского языка и культуры, отстаивание духовных ценностей классической русской литературы и приобщение к ее традициям писателей, выросших в изгнании и оторванных от родных корней, было приоритетной задачей ведущих критиков эмиграции – Г. В. Адамовича, В. Ф. Ходасевича, К. В. Мочульского, Н. А. Оцуца.

Периодика русского зарубежья в полной мере продолжала линию русского просветительства. Это выражалось и в том, что газеты не только ежедневно сообщали читателям новости, но и давали «пищу для души». Например, в газете «Последние новости» существовали театральный, кинематографический, живописный отделы. Художественную критику здесь вел А. Н. Бенуа, театральные рецензии писал кн. С. М. Волконский, регулярно печатались отчеты о новинках парижской сцены и экрана, о выставках. В «Последних новостях» также публиковались научные обозрения, которые стали своеобразным «университетом на расстоянии». Это были своего рода страницы из современных учебников по физике, астрономии, психологии, геологии. Они помогали стесненным материальной нуждой эмигрантам получать новые знания, интеллектуально развиваться. И здесь обозначилась преемственность, идущая от энциклопедических журналов 30-х гг. XIX в., научных отделов «толстых» журналов дореволюционной России.

Зачастую издания оказывали своим читателям и чисто практическую, бытовую помощь. В «Последних новостях» существовала практика денежных благотворительных сборов, на четвертой странице печатались заметки в несколько строк «Нужна срочная помощь», был раздел «Вопросы и ответы», в помещении редакции давались бесплатные консультации по вопросам паспортов, виз, налогов и пр. В этих акциях заметно продолжение благотворительного опыта дореволюционной прессы, начатого газетой «Русский инвалид» периода Отечественной войны 1812 г.

Проблема преемственности профессиональных ценностей отечественной журналистики на разных этапах ее деятельности, безусловно, требует дальнейшего изучения. Но уже сегодня мы имеем возможность оценить громадный потенциал, накопленный русской зарубежной прессой 1920–1940-х гг., сохранившей и творчески развившей лучшие традиции дореволюционной отечественной журналистики.

Литература

1. Лосский Н. О. Характер русского народа / Н. О. Лосский // Условия абсолютного добра. – М., 1991. – С. 237–360.
2. Степун Ф. Мысли о России (II) / Ф. Степун // Современные записки. – 1923. – XV. – С. 281–296.

Публицистика О. Памука: взгляд из окна на задворках Европы и центра исчезнувшей империи

Самыми интересными явлениями современности остаются вещи, созданные как бы на порубежье – эпох и культур, стран и целых континентов. Такова публицистика Орхана Памука – турецкого писателя, который не мыслил своей жизни без родного Стамбула, но все же покинул его по причинам, которые остаются наглядным примером того, как происходящие в мире процессы становятся в очередной раз жизненными обстоятельствами конкретного человека. Напомним: в феврале 2005 году прозаик дает интервью швейцарскому изданию «Das Magazin», в котором уже не в первый раз поднимает острую тему геноцида армян и курдов в Турции. Результат – негодования на родине и судебное разбирательство, от последствий которого его спасло лишь вмешательство «Международной амнистии». А опасения за собственную жизнь вынудили его уехать в США в эмиграцию.

Такая тенденция была отличительной чертой ушедшего XX века – времени войн и революций, многократного перекаривания карты мира, когда случалось, что разлом между частями распадавшихся стран и целых империй вдруг проходил по месту жительства людей, годы жизни которых совпадали не с самыми спокойными в истории временами. Эта тенденция была унаследована и наступившим XXI столетием, которое стало уже нашим временем. И одним из героев этого времени остается Орхан Памук – самый яркий писатель современной Турции, где многие считают его презревшим национальные интересы предателем: обвинения в очернении образа Турции, подкрепленные цитатами из того знаменитого интервью, поступают к нему по сей день.

Публицистика Памука – достаточно стихийное явление в деятельности романиста, способного «пользоваться словами, как художник – красками» [1, с. 6]. Литература остается основной деятельностью Памука, в том числе и преподавательской – с 2007 года он ведет курсы по литературному мастерству в Колумбийском университете и здесь же читает лекции по истории мировой литературы. Между тем начало освоения профессиональным владением словом было положено, когда будущий автор многочисленных романов (от «Джевдет-бея и его сыновей» до «Чумных ночей») поступил в институт журналистики

Стамбульского университета, законченного в 1977 году. Этому предшествовало, однако, событие, наглядно демонстрирующее противоречивость мировоззрения типичного представителя передовой части турецкого общества, где детей воспитывали «гражданами мира» (поскольку это было частью того образа европейца, которым так хотел стать среднестатистический турок-стамбулец XX века), однако профессию им выбирали, исходя не из их желания, а по принципу «Так решила семья». Семья Памуков (кстати, фамилия эта, означающая в переводе «хлопок», появилась, как и большинство турецких фамилий, лишь в первой трети прошлого века: в ту пору Мустафа Атаатюрк, первый турецкий президент, провел реформу, обязав всех граждан Турции придумать себе фамилии с истинно турецким звучанием. Выбор же в пользу «хлопка» был сделан естественным путем: так прозвали представителей семейства, чьи предки пришли в Турцию с Кавказа, были черкесами и отличались слишком светлой для этих мест кожей) решила, что выпускнику стамбульского филиала американского колледжа «Robert College» место в Техническом университете Стамбула, а профессия архитектора перспективна и уважаема. Проучившись три года, юный Орхан лишь утвердился в мысли «Это не мое» и оставил технический университет ради карьеры писателя. Хотя и в целом семья, где в чести были более «серьезные» занятия (дед Орхана разбогател на строительстве железных дорог), не одобрила такого решения, все же отец-инженер, украдкой пописывающий в стол, поддержал сына. Простое объяснение этому факту Памук даст в своей Нобелевской лекции («Чемодан моего отца»): «У отца в годы молодости была большая библиотека, в конце 1940-х годов, он хотел стать поэтом, переводил на турецкий Валери, но потом передумал – не захотел становиться поэтом в бедной стране, где так мало читающих людей» [1, с. 428]. Это своеобразное «предательство» идеалов юности человека, который «не хотел страдать и испытывать трудности ради литературы» [1, с. 428], как будто искупается невмешательством в дела сына, готового страдать, жертвуя беззаботной жизнью. И сын, чьи чувства к отцу оставались неоднозначными, оплатит за это отцу любовью и почтением, несмотря на не слишком приглядные факты семейной истории: «он нас бросал», но «все это осталось в прошлом» [1, с. 25]. А былые страдания по поводу отношений с отцом Памук осмысляет скорее с позиций европейского опыта: нетипичный для Востока конфликт отцов и детей нередко решается повзрослевшими детьми мудро и просто: «все мы хотим, чтобы наш отец был не таким, какой он есть на самом деле, а таким, каким мы хотим его видеть» [1, с. 25].

Явно европейский подход к поиску своего места в жизни обнаруживается и в других фактах биографии Памука: прежде чем он решил посвятить свою жизнь писательскому труду, он готовился в художники, пережив бурное увлечение живописью и рисунком (сообщают, что в последние годы он снова взялся за карандаши и кисти). И именно эти занятия стали фактором формирования уникального стиля, «живописность» которого объясняется автором «Других цветов» просто: «Книга и рисунок неразрывно связаны, они принадлежат одному миру. Чтение стимулирует мое художественное воображение, которое затем рисует картины прочитанного. Мы поднимаем голову от книги, переводим взгляд на картину, смотрим на окно или на пейзаж вокруг нас, но наш разум воспринимает не то, как мы видим вокруг, а то, что мы видим в другом, книжном мире» [1, с. 111]. Подобный механизм он описывает, раскрывая и секреты своего писательского мастерства. Угадывается этот механизм и в очерках и эссе, представляющих собой великолепный образец современной писательской публицистики. А в описании шедевров турецкого и европейского изобразительного искусства вряд ли найдется кто-то равный ему среди турецких художественных критиков!

Будучи выпускником института журналистики, Памук констатирует: учеба прошла по его мировоззрению по касательной, и его творческая индивидуальность, в том числе и как публициста, в большей степени сформирована мировой литературой, чем лекциями университетской поры. Да и в сами мотивы выбора учебного заведения не могут не вызвать понимающей улыбки! В беседе с Глебом Шульпяковым (журнал «Новая юность») писатель признается, что пошел в студенты-журналисты ради освобождения от армии, но «...В тридцать лет я все-таки угодил в армию, несмотря на диплом журналиста, и там надо мной издевались следующим способом. Меня спрашивали: “Кто этот парень? Чем он занимается? Журналист? А для какой газеты он пишет? Ни для какой! Пишет романы? Хотя бы один из них опубликован? Ни один!” Ну и так далее» [2].

Но в итоге мы знакомы и с творчеством Памука-публициста: в 90-е годы он еженедельно публикует в стамбульском сатирическом журнале «Окюз» им же иллюстрируемые материалы в своеобразном стиле – «короткие, написанные почти с поэтическим воодушевлением, за один присест, очерки» [1, с. 5]. Позже они вошли в сборник «Другие цвета» – «сонное непрерывное повествование» [1, с. 5], опубликованное в 2006 году, после присуждения писателю Нобелевской премии по литературе. В предисловии подчеркивается: в основу новой версии

«Других цветов» положена уже выпущенная в 1999 году одноименная книга, но «то был сборник статей, а книга, которую вы сейчас держите в руках, трансформировалась в цикл автобиографических очерков, воспоминаний и размышлений» [1, с. 6].

«Другие цвета» – повествование, существенно расширяющее представление о личности, которая в итоге не побоялась пойти на конфликт не только с ближайшим окружением, но и с той реакционно-настроенной частью верхушки турецкого общества, что и инициировала прогремевшее на весь мир судебное разбирательство. Между прочим, ударившее по творческой активности человека, чья жизнь – это прежде всего литература: «Судебное дело, открытое против меня, и политическая ситуация, в которой я оказался, сделали меня более “политически активным”, “серьезным” и “ответственным”, чем я есть. Позвольте, я вспомню об этом с улыбкой – плачевное положение дел и еще более плачевное душевное состояние, поэтому я не мог ощутить в себе детское простодушие, необходимое для работы» [1, с. 18–19].

Пространство «Других цветов» (как и вышедшего в 2003 году цикла «Стамбул. Город воспоминаний»), связанное с глубоко личными воспоминаниями, разворачивается вокруг родного Стамбула (здесь же происходит действие почти всех романов). Можно предположить, что тут не обошлось без влияния Джойса. Как для автора «Улисса» Дублин становится особым художественным пространством, которое в итоге видится художественной вселенной, вмещающей все представления автора о мире внешнем и внутреннем, современном и древнем, родном и враждебном, так и Стамбул Памука – такой же повод «говорить о жизни», что немислимо для него без разговоров о литературе, архитектуре и живописи.

В этом отношении он типичный интеллеktуал-турок, вынужденный выбирать сторону во внутреннем противостоянии культуры Турции, что делится на два фронта: «стамбульский» и «анатолийский». Вернее, выбора как будто и не остается: аристократичный интеллеktуал – истинное дитя Стамбула, а ведь даже географическое положение турецкой столицы, как и ее история, определило непростую судьбу города, расположенного на пограничье между Западом и Востоком. И представитель элиты этого города, явно поглядывающего в сторону Европы еще со времен Сулеймана Великолепного (эта личность неспроста так часто упоминается на страницах «Других цветов»), понимает всю тяжесть груза полученного «наследства»: тяготение к светскости вступает в противоречия с издержками принадлежности к мусульманскому миру, уважение к европейской умеренности борется

с влиянием привычки к османской роскоши, стремление приобщиться к вожделенным ценностям Запада часто перебивается «национальными болезнями». Так эссе и очерки продолжают тему противостояния традиций восточного мира и европейского влияния, характерную для памуковских романов. Что и объясняет формулировку его достижений, за которые и была получена Нобелевская премия: «автору, который в поисках меланхоличной души родного города нашел новые символы для столкновения и переплетения культур».

Живя на этом переплетении, Памук переживает общую для ту-рок проблему поиска ответа на вопрос «Кто мы все-таки?», поднимая тему насильственного отуречивания Стамбула (который, будучи перекрестком цивилизаций, всегда был многонациональным) также смело поднимает и темы армянского геноцида (что и стало причиной его преследований), и фальсификаций истории из идеологических соображений. Об этом – целый раздел книги «Других цветов» под названием «Политика, Европа и другие проблемы самоидентификации». А, задумываясь над вопросом «Где Европа?», представитель семьи европеизированной верхушки среднего класса, где выбор делается в пользу «В Европе делают так» («будь то обсуждение нового закона о рыбной ловле, или попытки купить шторы в дом, или споры о недругах семьи» [1, с. 188]), приходит к простой мысли: мы говорим не столько о Европе, сколько о своих фантазиях о ней. Это наводит на невольные сравнения с нашим средним соотечественником, которому понадобилось немало времени, чтобы понять: жить по-европейски – это не только засовывать одеяло в европододеяльник (с мнимым удобством которого могут согласиться лишь швейцарцы!); экономить ресурсы наподобие воды или электроэнергии надо не только потому, что за них приходится платить по без конца возрастающим счетам. Как и выбирать машину поменьше не из соображений экономии, а потому что так удобнее для других в городском пространстве и менее опасно для окружающей среды. А главное – понимать, «насколько глубоко связана свобода слова с чувством собственного достоинства» [1, с. 188]. Без этого интерес к Европе остается, по мысли Памука, «нездоровым», и сама она тогда и для живущего на периферии интеллектуала – лишь «синтез всех воспоминаний и сплетен, фантазий и картинок» [1, с. 189]. А стремление стамбульцев жить по-европейски обернется лишь издержками наподобие сноса старинных турецких особняков под предлогом модернизации облика города.

Об этом, кстати, проучившийся три года на архитектора и потерявший возможность унаследовать «семейное гнездо» (его снесли!)

уроженец Стамбула пишет с особенной болью. Жизнь в любимом городе на берегу Босфора омрачается не только вечной боязнью землетрясений, грозящих разрушениями и смертью под завалами, но и опасениями гибели – и культуры, и личности – по причинам, от стихии не зависящим. Так, Памук констатирует: построенная Сулейманом Великолепным в 1559 году мечеть в честь умершего сына Джихангира в качестве «символа постоянства» была несколько раз отстроена заново, как и другие памятники. А вот на месте старинных особняков вырастают уродливые многоэтажки. Чаще всего это бывшие родовые гнезда, которые наследники продают предприимчивым нуворишам, не думая, что сказали бы об этом основатели. По закону разрушать их нельзя, но однажды глубокой ночью вспыхивает (всегда по неустановленным причинам!) пожар, и место под строительство оказывается свободным. И семья Памуков тоже оказалась причастной к той истории «пожаров и сносов», что стала альтернативной историей странного города, хотя у них «о богатеях, приказавших среди ночи, тайком, сжечь собственный дом, полный воспоминаний, дом, где некогда жило несколько поколений их семьи, говорили с презрением» [1, с. 69]. Но однажды был продан подрядчику и фамильный трехэтажный особняк в стиле ар-деко, хотя и отец Орхана рассказывал, как плакал за калиткой, глядя, как рушатся стены под ударами чугунных «баб».

Размышления о Европе представителя страны, которую не берут в Евросоюз, не лишены того настроения, что сам он определяет как «злость униженных». Эта злость отравляет даже традиционные семейные застолья по случаю праздников наподобие Шекер-байрама (трехдневное разговение по случаю окончания Рамазана). Объяснения этих настроений, что вылились, например, в шокирующее писателя злорадство по случаю печально памятных событий 11 сентября, просты: «все эти почтенные участники праздничных вечеров времен моего детства, раньше считавшие себя европейцами, сейчас, казалось, утратили надежду стать европейцами» [1, с. 215]. Люди, чья жизнь прошла в грезах о Европе, обиделись (что выразилось, например, в отказе от традиции надевать по праздникам европейские пиджаки с галстуками): «истинный гнев ощущается – особенно когда мы следим за переговорами Турции с Европейским союзом и понимаем, что несмотря на все наши попытки европеизироваться, Европа все равно не хочет видеть нас в своих рядах, утверждая, что у нас плохо развиты столь важные для вступления в Евросоюз институты, как демократия и права человека» [1, с. 217]. И понимая, что это отчасти справедливо, представитель не принимаемой в Европу страны добродушно

определяет эти настроения гневом стариков, детские мечты которых не сбылись.

Памук и себя самого открыто признает человеком с «окраины Европы», где одновременно и желают сдвинуться ближе к ее центру, и страдают от униженности вследствие своей осознаваемой «второсортности». А «современность» и «цивилизованность» проявляются скорее в усвоении внешних атрибутов западной жизни – в пристрастии к уличному фастфуду, противоречащем исламской традиции есть строго дома и не то, что приготовлено «неизвестно кем»; в моде на европейский стиль (девушки красят волосы в «жуткий белый цвет»). Истинные же европейские ценности, такие, как права человека и свобода слова, остаются недостижимыми. И Памук почти с сарказмом дает неожиданный «совет»: не можете остаться турками, как и стать европейцами – станьте средиземноморцами: «Пофантазируйте о Средиземноморском союзе – было бы неплохо создать такой союз. Уверен, что он порадовал бы тех, кому нельзя ездить в Испанию, Францию и Италию без визы» [1, с. 194]. Сама идея Средиземноморья, по мнению блестяще ориентирующегося в мировой литературе Памука, такой же созданный путешествующими писателями Запада миф, как и миф о Европе, в который, однако, так легко поверили в Турции.

Подкреплять любые свои размышления отсылками к произведениям мировой литературы – отличительная черта публицистики Памука, что и делает ее столь изысканно-интеллектуальной, а его художественное творчество – столь понятным для читателя и Запада, и России. Пруст и Томас Манн, Фолкнер и Набоков, Камю и Достоевский, Андре Жид и Виктор Гюго – такой же фактор формирования творческого метода турка, оказавшегося под особым влиянием европейско-американской модернистской традиции, как и сказки «Тысяча и одной ночи». И потому любое рассуждение Памука обретает широту и глубину, которой ему не прощают на родине, где насаждаемые националистические настроения сужают горизонт мышления среднестатистического турка. Между тем писатель никак не подходит под звание «безродного космополита», и его заслуги перед родиной неоценимы (хоть и не оценены на родине!): так, роман турецкого писателя Ахмеда Хамди Танпынара «Покой» был переведен на другие языки лишь потому, что он упомянут в памуковском «Городе воспоминаний».

Литературоцентризм всей творческой жизни живого классика («Чтобы чувствовать себя счастливым, мне нужно каждый день получать определенную дозу литературы» [1, с. 11]), особые отношения Памука с изобразительным искусством делают стиль романиста и

публициста необычайно пластичным и живописным. А способность одновременно мыслить в двух плоскостях, оставаясь носителем национальных особенностей, но усвоив все лучшее, что можно взять на Западе, дают ему такую свободу перемещений мирами Европы и Азии, что это дает ему право на статус «переводчика» в диалоге культур, который никогда не прекращается. Несмотря на все противоречия и конфликты!

Литература

1. Памук О. Другие цвета: очерки, эссе / О. Памук. – СПб, «Азбука», 2017. – 448 с.

2. Шульпяков Г. Хождение Памуком: беседа Глеба Шульпякова с Орханом Памуком / Г. Шульпяков // Новая Юность. – 2001. – № 4: – Режим доступа: https://magazines.gorky.media/nov_yun/2001/4/hozhdenie-pamukom.html (дата обращения: 28.04.2022).

История закрытия первой в заволжском крае частной газеты «Оренбургский листок» (1876–1906 гг.)

В 1876 г. первую частную газету в заволжском крае открыл владелец частной типографии, общественный деятель Оренбурга, талантливый журналист, до этого редактировавший «Оренбургские епархиальные ведомости» и «Циркуляр по Оренбургскому учебному округу», И. И. Евфимовский-Мировицкий. Его «Листок» исправно выходил в свет три десятилетия, а единственным независимым изданием в Оренбургской губернии был более двадцати семи лет.

Газета претерпела несколько метаморфоз: три года, до пожара 1879 г., когда у И. И. Евфимовского-Мировицкого сгорели незастрахованные, купленные в кредит типография, помещение редакции, дом – прогрессивная газета социальной направленности, пытавшаяся активно влиять на мнения людей, воспитывать своих читателей, «как жить по Божьей правде и по человеческой справедливости» [1, с. 2], – таковым было credo И. И. Евфимовского-Мировицкого в течение всей его жизни.

В стране шел процесс капитализации, и «Листок» со временем стал настоящим коммерческим предприятием. И. И. Евфимовский-Мировицкий очень внимательно работал с рекламой, понимая, что это – надежная финансовая поддержка для его газеты. В свою очередь рекламодатели активно влияли на контент издания. И постепенно «Листок» ушел от обличений и скандалов, превратился в информационно-рекламное издание. Современники считали газету захиревшей, издававшейся по инерции. Но, несмотря на нападки и несправедливость, которые пришлось пережить «Листку», для Оренбурга и губернии первое независимое издание стало явлением прогрессивным.

После смерти Мировицкого «Листок» (конец 1905–1906 гг.) стал откровенно оппозиционным властям, хотя в новом амбула продержался только год, – буквально сгорев в пламени революционной борьбы. Бесшумный редактор скончался весной 1905 г. С № 20 редактором «Оренбургского листка» стал П. Юденич, издателями – наследники Евфимовского-Мировицкого. Открывая подписку на 1906 г., преемники Мировицкого сообщали: «Новая редакция поставила себе неукоснительной целью служить интересам края в тесной их связи со всей государственной жизнью страны» [2, с. 10]. Начались перемены. Редакция сделала большой уклон в социально-политическую сторону, печатая фельетоны, обличительные

очерки и политизированные статьи, обходясь без художественных произведений, а если и появлялись на страницах стихотворения, то содержание их оказывалось политически злободневным.

В 1906 г. «Листок» сменил подзаголовок с «Газеты общественной и литературной» на «Газету социально-политическую и литературную». Левые политические партии стремились активно использовать эту практически единственную легальную в тот момент трибуну. Жандармами были отмечены случаи рассылки эсерами листовок, адресованных казакам, вместе с газетными номерами [3]. Власти начали преследование издания. В январе 1906 года из 25 номеров читатель получил 21. № 33 был захвачен полицией без указания поводов. В дальнейшем власти не останавливались перед прямым захватом типографии, где печатался «Листок» и уничтожением готового тиража. Последним стал № 39.

С конца января 1906 г. в призывах подписаться говорилось: «Социально-политическая и литературная газета «Оренбургский листок» выходит ежедневно <...>. Новая редакция поставила себе задачей освещать нужды края с точки зрения интересов рабочего класса <...>. Подписная цена со всеми приложениями – 5 руб. на год. Для рабочих, приказчиков, ремесленников – 3 руб. в год» [2, с. 10].

В номере от 12 января 1906 г. П. Н. Столпянский (последний редактор газеты; историк, член Оренбургской ученой архивной комиссии с 1902 г., автор книги «Город Оренбург»; до № 9 редактировал «Оренбургский листок» вместе с Ю. П. Сен-Лораном) писал: «Я должен извиниться перед читателем – № 8 «Оренбургского листка» конфискован за передовую статью, в которой автор указывает, что современная бюрократия выжила свое время, дискредитировала себя и единственное средство борьбы, оставшееся у бюрократии, – ложь и обман <...>, понятно, что оренбургская бюрократия приняла к сердцу <...> обвинения, которые выставлены в передовой статье <...>, что номер конфискован, что я привлечен к ответственности <...>. Но против одного я должен протестовать: заведомо ложных сведений я не помещал <...>. Действительность гораздо более ужасна <...>. Но администрация глубоко ошибается, если она верит в спасительную силу репрессий. Зажать, уничтожить можно лишь личность, но не ту идею, которая вдохновляет личности. Идея бессмертна» [4, с. 1].

Вот как в материале «Столпянский пред судом судебной палаты», опубликованном в № 19 газеты «Степь» за 1906 г., описывает закрытие «Листка» сотрудник издания (псевдоним «Оренбуржец»): «Столпянский повинен в том, что <...> называл в своем органе насилие – насилием и преступления, совершаемые правительственной властью, – преступлениями. Г. Столпянский виновен в том, что перепечатал в своей газете из ультра-

реакционного «Русского Вестника» выдержки из манифеста социалистической партии, напечатанные чуть ли не во всех газетах, и телеграмму о захвате власти из «Самарской газеты». Столпянский виновен в том, что в дни реакции он говорил о свободе, что <...> верил в мощь освободительного движения и призывал бороться с беззаконием власти» [5, с. 2–3].

18 февраля 1906 г. газета была закрыта, а ее редактор П. Н. Столпянский осужден к заключению в крепости на 9 месяцев и 3 недели. Таким образом, 1906 г. стал последним в истории газеты «Оренбургский листок», так как она поменяла свое название на «Наш край».

На прекращение деятельности «Листка» откликнулся «Оренбургский край». 24 февраля журналист (псевдоним «Овод») сообщил: «На днях распоряжением Саратовской судебной палаты закрылась местная газета «Оренбургский листок», редактировавшаяся г. Столпянским». Ее судьба есть в мале история лучшей русской периодической печати. Выход «Оренбургского листка» под новой редакцией совпал со временем кратковременного расцвета нашей общественной жизни (после Манифеста 17 октября 1905 г.). Новая редакция поставила себе целью освещать нужды нашего края с точки зрения интересов рабочего класса и шла по намеченному пути. Ясно, что «Оренбургский листок», давая полную и верную картину событий, переживаемых страной, сразу завоевал <...> симпатии общества. Вместе с другими лучшими газетами, она освещала нужды края, указывала обществу на <...> наболевшие раны <...>, требовала полной и окончательной ломки всего старого уклада. Но не прошло и трех месяцев, как <...> печать стали снова преследовать. «Оренбургский листок» не избег этой участи и после целого ряда конфискации также закрыт деятелями реакционного разлива. Общество лишилось хорошей боевой газеты» [6, с. 3].

Литература

Оренбург, 25 апреля 1899 года. Оренбургский листок. – 1899. – № 17. – С. 2.

2. Судоргина Т. В. Предпринимая «Оренбургский листок» / Т.В. Судоргина // Оренбургское время. – 2006. – №3. – С. 10.

3. ГАОО. Ф. 21. Оп. 2. Д.75. Л. 43.

4. Столпянский П. Н. // Оренбургский листок. – 1906. – № 9. – С. 1.

5. Оренбуржец. Столпянский пред судом судебной палаты // Степь. – 1906. – №19. – С. 2–3.

6. Овод. Закрытие «Оренбургского листка» // Оренбургский край. – 1906. – №32. – С. 3.

Генезис и основные этапы развития курдской печати в Ираке

Проблема формирования и эволюции курдских СМИ рассматривалась в немногочисленных работах авторов из стран, где проживают курды – в основном ираноязычный народ, обитающий на территории четырёх современных государств, условно образующих единую территорию Курдистана, получившую в реальности 4 территориальных обозначения, связанные с географическим ареалом проживания курдов. Считают, что Западный Курдистан – это Сирия, Восточный Курдистан – Иран, Южный Курдистан – Турция, Северный Курдистан – Ирак. Всего в мире насчитывают от 35 до 45 млн. курдов, причем в Иракском Курдистане их проживает до 8-9 млн человек. Об этом народе писали еще древние греки в VI веке до нашей эры, ссылаясь на близость курдов к парфянскому этносу, к хурритам, мидийским племенам и т.д. Само слово «курд» восходит к слову *kord*, т. е. храбрец, герой, парень. Курды сегодня исповедуют мусульманскую веру, близки в этом отношении к арабам-суннитам, хотя есть и шииты, а также христиане, иудеи, езиды, алевиты, сторонники зороастризма и т.д.

Цель статьи – выявить условия и обстоятельства возникновения и эволюции периодической печати Иракского Курдистана на рубеже XIX-XX вв., уделив внимание создателям первых изданий. Метод исследования – историко-культурный.

Изучать истоки курдской периодической печати следует с конца позапрошлого века, когда появились первые издания [1, с. 2]. Каир оказался самым надежным местом для этой цели. Именно здесь 22 апреля 1898 г. появилась первая курдская газета «Курдистан», ставшая трибуной всех патриотических сил. Ее издателем и владельцем был Микдат Мадхат Бадрхан, знатный курдский эмигрант из Турции, живший в Каире. Газета не являлась органом какой-либо организации. Как и большинство аристократов того времени, Микдат Мадхат Бадрхан мог бы жить безбедно в своей стране, но он хотел служить своему народу, мечтал о курдской свободе.

Существует не так много информации о жизни Микдада Мадхата Бадрхана, но, по словам Сурайи Бадрхана, он отправился из Стамбула в Египет на лечение. Впрочем, причина отъезда Микдада Мадхата Бадрхана в Египет не очень важна. Существенно то, что он смог воспользоваться коротким периодом времени в Египте и основал газету для своего народа [5, с. 89–111].

Султан Османской империи Абдул-Хамид и его сторонники были недовольны содержанием газеты «Курдистан», пытались всячески помешать выходу этого издания. На Микдада Мадхата Бадрхана оказывалось давление, чтобы он прекратил выпуск газеты и вернулся в Турцию. С этой целью Абдул-Хамид отправил письмо Микдаду Мадхату, угрожая, что попросит власти Египта выдать издателя Турции. Но Микдад Мадхат Бадрхан был истинным курдским патриотом и продолжил выпуск газеты.

Тираж первой газеты составлял 2 тыс. экземпляров. Желанием редактора было распространение газеты не только в Каире, но и в Курдистане, чтобы народ знал о ее существовании и присылал в редакцию свои отклики и пожелания. Видимо, редактор стремился к тому, чтобы «Курдистан» стал площадкой для обмена мнениями между интеллигенцией «внутренней» и интеллигенцией, проживавшей за пределами родины. Газета через Сирию распространялась в Южном Курдистане, а также в Европе среди курдов-эмигрантов и тех европейцев, которые интересовались курдским языком и курдской культурой. В письмах, которые газета получала из Курдистана и европейских стран, люди сообщали, что они с удовольствием читают все ее номера, и даже просили присылать побольше экземпляров.

С самого начала газета была проникнута пафосом борьбы против официальной политики Османской империи. Помимо политических статей, на ее страницах появлялись публикации на исторические, религиозные, литературные и другие темы, волновавшие умы курдской интеллигенции. Кроме редактора и его семьи, активное участие в издании газеты принимали курдские общественные деятели, писатели, поэты. Выход газеты «Курдистан» ознаменовал новый этап в жизни курдов, в истории их национального движения. Вот почему не только сами курды, но и ученые-курдоведы не обходят вниманием эту газету и ее роль в культурной и политической жизни Курдистана.

Вскоре против газеты и ее издателей началась кампания преследований и нападок, в связи с чем «Курдистан» стал выходить нерегулярно, вопреки обещаниям издателя выпускать номера каждые 15 дней. Место издания газеты часто менялось. Всего вышел 31 номер. Как пишут исследователи, в пятом номере газеты была напечатана передовая статья, в которой говорилось о том, что сторонники турецкого султана по разным причинам нападают на издателей. Дело дошло до того, что Турция потребовала от египетского правительства арестовать Микдада Мадхата Бадрхана как преступника и выслать его из Египта в Стамбул. Из-за этого издание газеты было перенесено в Женеву, где вы-

шло несколько ее номеров. Затем газету вновь печатали в Каире. Потом «Курдистан» выходила в Европе, сначала в Лондоне, затем в Фолкстоне, на юге Англии. Два же последних ее номера вышли снова в Женеве, где вскоре газета с такой непростой судьбой прекратила свою деятельность. Просуществовала она 47 месяцев и 22 дня.

Накануне Первой мировой войны, 8 февраля 1914 г., в Багдаде в типографии «Адаб» вышел первый курдский журнал «Банги курд» («Курдский призыв»). Его издателем являлся курдский литератор Джамаладан Бабан. Было выпущено всего пять номеров на курдском и турецком языках. Каждый номер состоял из 24 страниц. В журнале публиковались разнообразные по содержанию материалы, поднимались самые насущные проблемы. Журнал имел в большей мере научно-просветительский и популяризаторский характер. Взывая к национальным чувствам курдов, он утверждал необходимость преодоления культурной отсталости, распространения современных знаний. Со страниц журнала звучали призывы к борьбе против неграмотности, к открытию школ и созданию общественных организаций, в его статьях разъяснялась роль науки в деле преобразования общественной жизни. В качестве примера журнал ссылался на Англию и некоторые другие страны, которые обладают научными, техническими и культурными достижениями и потому считаются развитыми государствами.

Наряду с этим «Банги курд» распространял идеи национально-освободительной борьбы, затрагивал проблемы экономической жизни курдов. В начале войны журнал прекратил свое существование, потому что его издателей забрали в армию.

В период Первой мировой войны Курдистан стал ареной действий трех воюющих армий – турецкой, английской и русской. Военно-политические власти трех держав предпринимали усилия для использования сил курдов в свою пользу. Война разрушила экономику Ирака и Южного Курдистана, нанесла серьезный ущерб интересам всех слоев курдского общества. Значительная часть сельского трудоспособного населения была призвана в ряды армии или использовалась на принудительных работах.

Англичане давно планировала захват Ирака, богатого природными ресурсами – нефтью и газом. Для этой цели еще задолго до Первой мировой войны Англия посылала своих секретных агентов как в арабские, так и в курдские районы Ирака. Вскоре после захвата города Басры в апреле 1915 г., после трудных боев в районе Шухеба, английская армия направилась к столице Ирака – Багдаду. И в марте 1917 г. взяла его. А к концу 1918 г. англичане захватили весь Южный Курдистан.

Английские войска встречали повсеместное сопротивление со стороны турецкой армии, воевали даже арабы и курды, поскольку турецкий султан призывал их к священной войне против врагов ислама.

В целом состояние курдской печати в период войны было довольно слабым. Кроме «Банги курда», издавались еще два курдских журнала. Один – в Каире, основанный в 1916 г. Назывался он «Жин» («Жизнь»). Издателем журнала был Сурайя Бадержан. «Жин» выходил два раза в месяц на трех языках – курдском, арабском и турецком. Но мнению исследователей, «Жин» – продолжение первой курдской газеты «Курдистан». Второй небольшой журнал под названием «Курдистан» издавался в иранском Курдистане в городе Мехабаде. Выпускали его протестантские миссионеры, финансировало германское правительство, поскольку Германия, как и другие сильные державы, в то время имела свои интересы в отношении курдов. Неизвестно, сколько номеров этого журнала увидело свет, но есть сведения, что его первый номер вышел в апреле 1914 г.

Со времени появления первой курдской газеты «Курдистан» и до конца первой мировой войны в самом Курдистане не вышло ни одного курдского издания. То, что выходило на курдском языке, как мы видели, все было за его пределами. Объяснялось это тем, что даже в довоенные годы в Северном (Иракском) Курдистане не существовало заметно политической активности, как это было в иранской, особенно турецкой, частях. Но создание общественных и политических организаций в турецком Курдистане и их печатных органов (газет, журналов), распространение нелегальных политических листовок и заявлений – все это дошло и до некоторых районов иракского Курдистана.

В результате послевоенного мирного урегулирования произошел раздел Курдистана. Если раньше курды жили в составе многонациональных держав со слабой и непоследовательной центральной властью, а курдские движения, возникавшие в одной из стран, переходили государственные границы, то после окончания Первой мировой войны и передела мира курды стали обитать в составе централизованных государств (Ираке, Иране, Турции, Сирии). Правящие круги этих стран не признавали национальных прав курдского меньшинства.

Раздел Курдистана отрицательно сказался на журналистике еще и в том смысле, что курдская письменность стала развиваться в разных направлениях. Так, в 30-е гг. XX в. в Турции с арабского шрифта перешли на латинский. Курдам пришлось тоже поменять свой шрифт на латиницу, приспособивать свой язык к новым условиям. Произошел разрыв и в развитии курдской журналистики. Чтобы завоевать до-

верие людей, англичане в Южном Курдистане начали большую пропагандистскую кампанию против турок и их сторонников. Первым делом они создали в оккупированном ими Ираке три новые газеты, которые стали выходить с начала 1918 г. Это были: ежедневная газета на английском языке «Багдад Тайм», еженедельная газета на персидском языке «Иран», издававшаяся на двух страницах, и еженедельная газета «Тегаишти Расти» («Понимание правды») на курдском языке, выходившая также на двух страницах.

«Тегаишти Расти» издавалась в Багдаде, где на процесс формирования канонов прессы оказало определенное воздействие исламское мировоззрение аудитории, стремившейся к независимости от западных стандартов прессы. Первый ее номер увидел свет 1 января 1918 г. Несмотря на то что она была создана англичанами, газета сыграла большую роль в истории курдской журналистики. Впервые после войны была создана газета на курдском языке по европейскому образцу. Ее издателями и редакторами были английский майор Эли Банстарсон и курдский поэт и литератор Шукри Фазли. Майор прекрасно владел курдским языком, знал обычаи и традиции курдов. До захвата англичанами Южного Курдистана он долгое время под другим именем нелегально жил здесь. Как отмечает курдский историк Камаль Мазхар, английский майор знал курдский язык лучше, чем сами курды. Он любил курдский язык и хотел, чтобы тот развивался и стал бы «письменным». В этом направлении майор сделал очень многое. Когда его назначили политическим правителем г. Сулеймани, он добился того, чтобы курдский язык стал официальным. Вскоре Банстарсон выпустил книгу о курдском алфавите и грамматике. Он сам ходил в школы и активно сотрудничал с курдскими учителями и учащимися, чтобы содействовать изучению языка в школах.

С 25 марта 1918 г. газета стала выходить два раза в неделю. О ее направлении было заявлено, что это была общественно-политическая газета, призванная помогать курдам в их борьбе за единство и свободу. В ней публиковались биографии известных курдских поэтов, статьи об отечественной истории. Она первой стала печатать торговую рекламу, репортажи, интервью, портреты и фотографии. Большинство статей было написано простым языком.

В деятельности «Тегаишти Расти» значительную роль играл и Шукри Фазли. Он давно занимался журналистикой, работал в издаваемых англичанами газетах. Всего вышло 67 номеров газеты.

В это время положение в Курдистане быстро менялось, начинался подъем национально-освободительного движения против английских

захватчиков. В результате восстаний в некоторых районах было убито несколько английских лидеров. Центром движения в Южном Курдистане стал г. Сулеймания. Движение возглавил шейх Махмуд Барзанджи, который стал лидером освободительной борьбы иракских курдов на протяжении всего периода британского управления Ираком. Шейх имел большие амбиции, хотел стать правителем освобожденного Южного Курдистана, а не только одного Сулейманийского района. Англичанам явно было не по душе поведение шейха, поэтому они отправили свои войска в Сулейманию. 18 июня 1919 г. произошло сражение между английской и курдской армиями. В результате предательства одного курдского феодала англичане одержали победу. Шейх был ранен, арестован и отправлен в ссылку в Индию.

Хотя восстание 1919-1920 гг. было жестоко подавлено англичанами, оно тем не менее оказало большое влияние на рост политического сознания народных масс. После поражения курдов в восстании англичане назначили майора Ванетарсона политическим правителем Сулеймании. Здесь он приступил к изданию еще одной курдской газеты под названием «Пешкаутын Сулеймания» («Прогресс Сулеймании»). Это был еженедельник, первый номер которого вышел 29 апреля 1920 г. 96 номеров (до 26 февраля 1922 г.) выходили на 4-х полосах. С 97-го номера (2 марта 1922 г.) газета стала выходить уже на 6-ти полосах. Всего было выпущено 144 номера, последний – 29 июня 1922 г. Редактором газеты был известный курдский политический деятель Мустафа Паша Ямлуки. «Пешкаутын Сулеймании» принадлежит особое место в истории курдской журналистики: это была первая газета, которая выходила на курдском языке в самом Курдистане. Благодаря этой газете курдский язык стал «письменным». Напомним, что во времена правления Османской империи государственным, официальным языком был турецкий. А в мечетях религиозные люди читали книги на персидском. На нем говорили купцы и торговцы, большинство курдских литераторов и поэтов писали тогда тоже на персидском. Англичане через газету «Пешкаутын» проводили свою колонизаторскую политику, пропагандировали свои идеи. Вместе с тем они предоставляли ее страницы известным курдским писателям, таким, как Джамаль Йрфан, Шейх Нури Салих, Джамиль Саиб и др. Поэты печатали в ней свои стихи. Патриоты требовали у оккупантов, чтобы они дали возможность шейху Махмуду вернуться на родину [3, 4].

Майор Банстарсон, почувствовав вольнодумие курдов, почти за два месяца до приезда шейха закрыл «Пешкаутын». Тогда положение в Южном Курдистане было очень серьезным. Активизировали свою

политическую деятельность союзники турок, особенно в районе Рауандуз. Туда прибыл известный турецкий офицер Оздамер и начал устанавливать контакты между сторонниками Турции и курдскими племенами. 15 июня 1922 г. курды изгнали английские войска из г. Рания.

Рассмотрев некоторые аспекты формирования национальной периодики курдов, можно сделать два вывода. Первый связан с проблемой рассеяния курдов по разным странам. Отсутствие единого государства, на наш взгляд, сдерживало развитие курдских СМИ. Становление курдской печати происходило в неблагоприятных условиях подавления национального самосознания.

Второй вывод касается первых газет и журналов курдов. На наш взгляд, огромную позитивную роль в процессе становления национальной периодической печати сыграли патриоты Микдад Мадхат Бадрхан, Шукри Фазли, Мустафа Паша Ямлуки и др. Деятельность первых издателей, редакторов и корреспондентов заложила в конце XIX и в начале XX веков прочный фундамент для успешного продвижения газетно-журнального дела курдского народа. Нельзя не обращать внимание на противоречивую роль английских издателей: с одной стороны, их помощь была существенной, а с другой – их стереотипы мешали формированию самостоятельной медиасистемы курдов.

Литература

1. Али Радван Хедир Курдская периодическая печать в эмиграции: особенности и тенденции развития (1975–1985 гг.): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Радван Хедир Али. – М., 1986. – 20 с.
2. Джаббари Мухаммад Абд аль-Джаббар История курдской журналистики. – Багдад, 1970. (На курд. яз.).
3. Ихсан Азиз История личной борьбы и партийных инициатив // Шарк аль-Аусат. – Эрбиль. –11 февраля 2019.
4. Муафак Ахмад Печать Иракского Курдистана: основные этапы развития и особенности функционирования в современных условиях: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Фхмад Муафак. – М., 1998.
5. Сапан Магдид Курдская газета и обстоятельства появления первой курдской газеты. – Эрбиль, 2002. (На курд. яз.).

Георгий Владимирович Антюхин (1922–2003)

Доктор филологических наук, профессор, заслуженный работник культуры РФ, член Союза журналистов СССР, редактор отдела критики и публицистики журнала «Подъем» (1956–1958), историк русской провинциальной журналистики, краевед, заслуженный работник культуры Российской Федерации (1999), лауреат премии «Золотой фонд Воронежской области» (2002).

Участник Великой Отечественной войны. Воевал на Северо-Западном, Западном, Волховском, Ленинградском, Карельском и 2-м Белорусском фронтах. Командир стрелкового взвода, помощник начальника отдела штаба 19-й армии, капитан. Награжден орденом Красной Звезды, медалями «За оборону Ленинграда», «За оборону Советского Заполярья», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

Сфера научных интересов: история региональной печати России, история отечественной журналистики. Организатор Всероссийской конференции по истории местной печати. Автор двух монографий по истории Воронежской печати 1798–1945 годов (1973, 1976).

Окончил филологическое отделение историко-филологического факультета ВГУ (1950). В ВГУ преподавал в 1960–2003 годах, один из организаторов факультета журналистики Воронежского государственного университета, заведующий кафедрой истории журналистики и журналистского мастерства.

И оживали легенды...

Сентябрьским днем неспешно брожу по пустым коридорам отделения журналистики в стареньком корпусе университета на Пушкинской, 16. Занятия уже закончились, но мне почему-то не хочется уходить. Я читаю объявления на стенах, рассматриваю плакаты, в ко-

торый раз изучаю расписание. «Основы журналистики», «Теория и практика журналистики», «Техника газетно-журнального дела» – для меня названия этих дисциплин звучат, как музыка. Мне все еще не верится, что вступительные экзамены позади (лето восьмидесятого года было трудным для нашего брата-абитуриента, на отделении журналистики конкурс был неслыханный), и я уже студентка. В сентябре занимаемся только мы, первокурсники; все остальные студенты в колхозе.

Я пока мало кого знаю на факультете – только однокурсников и тех преподавателей, которые ведут у нас занятия. Уже не в первый раз за сегодняшний день вижу энергичного мужчину, который идет по коридору второго этажа. Сейчас у него в руке связка книг. До этого была картина, какие-то дощечки, стекла. Он заходит в один из кабинетов, и я, сгорая от любопытства, подхожу к двери, на которой целых две та-

блички: «Кафедра истории журналистики и журналистского мастерства» и «Музей истории печати Воронежского края». За приоткрытой дверью – особый мир: витрины со старинными журналами (в память врезалось название одного из них – «Филологические записки»), стенды, портреты. Внезапно оробев, я так и не решаюсь войти...

Через несколько дней этот неутомимый человек, теперь уже с картиной в руках, зашел в нашу 226-ю аудиторию. Бережно прислонив свою ношу к стене, он внимательно осмотрел нас и поинтересовался:

– Это и есть легендарный первый курс, который так хвалит Горислав Валентинович?

Польщенные, мы радостно закивали.

– Я тоже с вами буду заниматься, правда, со второго курса. Будем изучать историю печати Воронежского края. Зовут меня Георгий Владимирович Антюхин, я доцент кафедры истории журналистики и журналистского мастерства. Заходите в Музей на нашей кафедре, у нас интересно. Кстати, кто изображен на этой картине?

Мы теряемся в догадках, вглядываясь в безбородое лицо мужчины в одежде прошлого столетия.

– Эх вы, это же Кольцов, наш знаменитый земляк, который...

Вошедший в аудиторию лектор прервал его эмоциональные объяснения. А мы запомнили Георгия Владимировича и, заинтригованные, ждали, когда же у нас начнутся занятия по истории местной печати.

Став второкурсниками, на лекциях Г. В. Антюхина мы сидели, как завороженные, и, открыв рты, слушали о том, что на воронежской земле творили талантливые литераторы и журналисты, выходило множество интересных периодических изданий. Кстати, «Филологическим запискам» была посвящена отдельная лекция. На третьем курсе он читал нам курс «История русской журналистики». И по-прежнему рассказывал вкусно, пробуя слова «на вкус, ощупь и цвет», на его занятиях легенды отечественной журналистики представляли перед нами с их неповторимыми силуэтами и судьбами. Георгий Владимирович обладал удивительным даром «оживлять» явления и события прошлого, делать их осязаемыми. В часы его лекций наша аудитория наполнялась звуками, ароматами, красками «давно минувших дней».

Многие детали врезались в память на всю жизнь. Я до сих пор помню, как, рассказывая о Кольцове, Георгий Владимирович обрисовал в красках участие поэта в воронежских масленичных гуляниях: Кольцов с аппетитом ел блины – румяные, ноздреватые, пропитанные маслом и щедро посыпанные сахаром... Дмитрий Дьяков, учившийся на курс младше меня, недавно поделился со мной запомнившимся ему эпизо-

дом. Георгий Владимирович упоминал на одной из лекций о письме Анны Ахматовой, которое он получил в ответ на просьбу рассказать о ее приезде в Воронеж к ссыльному Мандельштаму. Это письмо он бережно хранил в своем личном архиве и, периодически извлекая из конверта листок бумаги, вдыхал аромат ахматовских духов.

Георгий Владимирович часто проводил свои занятия в Музее печати Воронежского края, отделе редких книг научной библиотеки ВГУ. Там можно было не только увидеть альманахи, журналы и газеты XIX – начала XX веков, но и потрогать их. Его лекции были ценны не только той внушительной суммой знаний, которыми он щедро делился с нами. Гораздо важнее другое – Георгий Владимирович приобщил нас к миру литературы и публицистики, привил нам любовь к старинным книгам, журналам, газетам, рукописям. Вдохнув однажды особый запах архивных документов, его уже нельзя забыть. Это «болезнь» на всю жизнь.

Увлечшись публицистикой Л. Н. Толстого, я, как и многие мои однокурсники, пришла в научный студенческий кружок при кафедре истории журналистики и журналистского мастерства, которым руководил Георгий Владимирович. Каждую неделю мы собирались в Музее, за обсуждениями сообщений и докладов, спорами, подготовкой выставок время пролетало незаметно.

Георгий Владимирович буквально за руку водил нас в Дом-музей имени И. С. Никитина, в созданный им при музее Городской клуб литературных встреч. Мы слушали выступления Г. В. Антохина и его коллег из других вузов страны на четвертой республиканской научной конференции по проблемам истории местной печати, которая проходила в 1982 году в ВГУ. Георгий Владимирович организовывал для нас интересные экскурсии по литературным местам Воронежа и области. О каждой городской улице он мог рассказывать часами, и мы замечали, как к его словам прислушивались все новые и новые прохожие, которые, забыв о своих неотложных делах, присоединялись к нам.

На наших глазах он разрабатывал экспозиционный план, по которому был оформлен новый Музей русской литературы кольцовского времени, открытый в 1984 году. Мы одними из первых читали рукописи книг о литературной жизни Воронежского края, над которыми Георгий Владимирович тогда работал.

Конечно, занятия в научном студенческом кружке, общение с Г. В. Антохиным оставили заметный след в жизни многих студентов. Наши скромные сообщения на заседаниях кружка, наши маленькие

Идет заседание кафедры истории журналистики и журналистского мастерства

«открытия» постепенно укрупнялись до уровня курсовых работ, из которых потом вырастали дипломные сочинения, а порой и диссертации.

Когда я пришла по приглашению Георгия Владимировича работать на кафедру, то сразу обратила внимание на неформальные, теплые взаимоотношения, которые он смог выстроить в коллективе (Г. В. Антюхин с 1984 года возглавлял кафедру). Они проявлялись в неизменной взаимопомощи, в шефстве старших над младшими, в проведении необычных заседаний кафедры, которые заканчивались традиционным чаепитием с домашними пирогами и вареньем. На этих кафедральных «посиделках» и серьезные учебные вопросы решались, и по душам поговорить получалось. Георгий Владимирович много рассказывал о литературной жизни Воронежа, старого и современного. Вспоминал он и о разных этапах своей жизни.

Например, о том, как в детстве выпускал рукописный журнал «Белочка» – в единственном экземпляре, для своих друзей. Как стал курсантом Военной школы в Риге и в ночь 22 июня 1941 года, находясь на учениях в Литве, стоял на посту и слышал гул вражеских самолетов. Как, пройдя всю войну, встретил Победу в Померании капитаном, кавалером боевых орденов и медалей. Как в составе первого послевоенного набора увлеченно учился на историко-филологическом факультете ВГУ, став на третьем курсе председателем научного студенческого общества факультета. Как после окончания университета работал старшим научным сотрудником государственного архива Воронежской области и имел счастливую возможность знакомиться

со многими ценными документами. Как стал редактором отдела литературной критики и публицистики журнала «Подъем» и тесно общался с писателями М. Подобедовым, Н. Задонским, В. Кораблиновым, Г. Тропольским, Е. Люфановым, Ю. Гончаровым.

Как в 1960 году перешел на постоянную работу в ВГУ и активно включился в процесс создания отделения журналистики на филологическом факультете. Как первое время был единственным преподавателем журналистских дисциплин на новом отделении: читал лекции и вел практические занятия по курсам «Теория и практика журналистики», «Техника производства газет и журналов», «Радио- и тележурналистика». Как в 1963 году начал преподавать новый, им разработанный, историко-журналистский курс «История печати Воронежского края». Как создал научный студенческий кружок журналистов и основал Музей истории печати Воронежского края, плодотворно работавший четверть века, вовлекавший в научную работу многие поколения студентов.

Как шла работа над книгами «Встречи на воронежской земле», «Друзья Л. Н. Толстого Г. А. Русанов и В. Г. Чертков», «Очерки по истории печати Воронежского края 1798–1917 гг.», «Очерки истории Советской печати Воронежской области 1917–1945 гг.», «Литературное былое», «Печатное слово России. История журналистики Черноземного Центра страны». Как велась подготовительная работа по созданию Академии наук региональной печати, которую он впоследствии возглавил.

Г. В. Антюхин с участниками Всероссийской конференции по истории местной печати

Георгий Владимирович был страстным собирателем книг, его домашняя библиотека насчитывала тысячи томов. Особое место в его собрании занимал сборник стихов А. С. Пушкина, купленный в декабре 1941 года в Москве и прошедший со своим хозяином дорогами войны до Берлина. Книги тесными рядами размещались на стеллажах в его кабинете вплоть до потолка (в его доме старой постройки высота стен – 3,5 м.) Но он легко ориентировался в этом масштабном книгохранилище – ловко взбирался по складной лестнице и безошибочно доставал нужный том. Он мог гладить любимую книгу, как ребенка, но при этом щедро делился сокровищами своей библиотеки. Пока я писала диссертацию, несколько его книг находилось в моем бессрочном пользовании.

Георгий Владимирович всегда поражал меня своим жизнелюбием, умением радоваться самым обычным вещам – солнечному дню, пению птиц, вкусному обеду, малышу, делающему первые шаги. Наверное, это свойственно в первую очередь фронтовикам, выжившим в ту страшную войну. К детям у Георгия Владимировича было особое, невероятно трепетное, отношение. Вспоминается случай, связанный с моим сыном.

Однажды, когда не с кем было оставить девятимесячного Колю дома, мне пришлось взять его с собой на работу. Общительный малыш быстро освоился на кафедре, охотно шел ко всем на руки, но в положенное время захотел спать. Зная, что у Георгия Владимировича в тот день не было занятий по расписанию, я взяла на вахте ключ от его кабинета и уложила сынишку в профессорском кресле. Ничего не подозревающий шеф, пришедший в корпус по каким-то своим делам, оторопел, когда увидел у себя в кабинете сладко спящего розовощекого малыша. Появившись в дверях кафедры, он выдохнул восторженным шепотом:

– Вы не поверите, у меня в кабинете ребенок спит. Такой славный оладушек...

Я сразу засуетилась, извиняясь:

– Ой, это мой сын. Сейчас я его унесу...

Георгий Владимирович возмущенно замахал на меня руками:

– Ни в коем случае! Разве можно такого маленького будить?!

И пока Коля спал, он строго следил за тишиной в окрестностях кабинета, урезонивая шумящих студентов. А Коля с легкой руки Георгия Владимировича так и остался для моих коллег «оладушком».

Жизнелюбие помогало Георгию Владимировичу четыре года мужественно бороться с болезнью. Он до последнего дня продолжал работать за письменным столом, выступал по радио и телевидению, руководил аспирантами и соискателями.

Я хорошо помню, как, узнав о смерти Георгия Владимировича, приехала в воскресный декабрьский день 2003 года на факультет. Виктор Владимирович Гаг и Александр Александрович Кажикин уже занимались организацией похорон. А мне доверили написать некролог. Вот что у меня получилось:

«Ушел человек, за плечами которого остались две большие жизни.

В первой – девятнадцатилетним парнем он принял бой с гитлеровцами в Прибалтике и встретил Победу в Померании капитаном, кавалером боевых орденов и медалей.

Вторая его жизнь связана с наукой, с университетом. Георгий Владимирович отдал ВГУ около пятидесяти лет своей жизни, пройдя путь от студента истфилфака до заведующего кафедрой, доктора филологических наук, профессора.

Г. В. Антюхин стоял у истоков подготовки журналистских кадров в университете. Его неумная энергия позволила сформировать в журналистской науке новое направление – историю местной печати. Он принимал участие в создании литературных музеев в Воронеже и Новожиловинном. Профессор Г. В. Антюхин стал организатором и первым президентом Академии наук региональной печати России. Его имя внесено в «Золотой фонд Воронежской области».

На творческом счету Георгия Владимировича – 285 научных трудов, а на особом – человеческом, педагогическом – десятки молодых ученых, воспитанных им, сотни выпускников-журналистов, работающих в газетах, на радио, телевидении по всей стране.

Участник Великой Отечественной войны, кавалер более двадцати орденов и медалей, заслуженный работник культуры Российской Федерации, лауреат журналистских конкурсов, Георгий Владимирович был мужественным человеком – последние четыре года он отчаянно сопротивлялся болезни, продолжая работать.

Он прожил две большие жизни.

Третья – в нашей благодарной памяти о нем».

Третья жизнь Георгия Владимировича продолжается. Мои однокурсники, собираясь на родном журфаке в связи с годовщинами выпуска, всегда тепло и с благодарностью говорят о профессоре Антюхине. Прежде всего мы вспоминаем «вкусные» лекции Георгия Владимировича, на которых удивительным образом оживали легенды русской журналистики.

Думаю, что он сам – живая легенда нашего факультета. А легенды, как известно, в памяти людской живут вечно.

Немало прожито, немало пережито...

Я стал преподавателем кафедры истории журналистики и журналистского мастерства 13 января 1988 года. В этот день с утра у меня состоялась достаточно длительная беседа с ректором ВГУ Гусевым, после завершения которой Владимир Васильевич наложил соответствующую резолюцию на мое заявление о приеме на работу переводом из областного совета профсоюзов. Сдав его и трудовую книжку в отдел кадров университета, через десяток минут я оказался в старом кирпичном здании на ул. Пушкинской, где в то время располагался факультет журналистики.

На втором этаже в маленьком кабинетике с претензиями на уютность меня поджидал заведующий кафедрой профессор Георгий Владимирович Антюхин. Не спрашивая о результатах беседы с ректором, он вытащил из ящика стола перехваченную резинкой стопку карточек, как оказалось, экзаменационных билетов, и, передав мне, сказал: «У студентов стационара и заочников сейчас идут экзаменационные сессии (в те времена они начинались одновременно сразу после новогоднего праздника). Козлова болеет, Дзэконова в командировке в Москве, у меня лекции, а у студентов-заочников третьего курса через час экзамен по истории партийно-советской печати. Принимать его придется вам. Возьмите у методиста заочного обучения ведомость. Уверен, что вы справитесь. Может, это и хорошо, что начнете работу без раскачки».

Как говорится, «попал как кур в

ощип». Действовал фактор полной неожиданности. Требовалась хотя бы минимальная подготовка к экзамену, остаточные знания по объемному и сложному предмету, многие годы не освежавшиеся, были фрагментарны, их желательно было восстановить. Экзамен пришлось сдавать более полусотни заочников. Почти все они были зрелыми людьми, состоялись в практической журналистике, имели значительный жизненный и профессиональный опыт, ставили перед собой серьезные задачи в получении высшего образования. Общими усилиями новоиспеченному преподавателю и опытным студентам с трудностями справиться удалось. Но в моей памяти пережитое тогда «потрясение» осталось навсегда!

Как же случилось, что я стал вузовским преподавателем? Предмет, на который я пришел, назывался «История партийно-советской печати». Он в советские времена занимал особое место в иерархии предметов учебных планов факультетов журналистики страны. По значению и объему считался едва ли не главным. Изучался два семестра на втором и третьем курсах, еженедельно на него выделялось четыре часа (лекция и семинар), в двух семестрах сдавался экзамен. Это вытекало из утвердившегося главного принципа советской журналистики – партийности и осуществлявшегося на практике жесткого партийного руководства печатью.

По существовавшему тогда негласному правилу желательно было, чтобы этот предмет преподавал член партии, кандидатура этого человека согласовывалась с отделом пропаганды и агитации обкома КПСС или хотя бы сектором печати этого отдела, неплохо, чтобы он имел опыт партийной, комсомольской, руководящей идеологической или журналистской работы, сформировавшуюся позитивную известность и репутацию.

На отделении, в затем на факультете журналистики ВГУ «Историю партийно-советской печати» преподавали, сменяя друг друга, отвечающие этим требованиям, но пришлые люди: известные в области партийные работники А. П. Шапошник, И. И. Киросиров, редактор газеты ЮВЖД «Вперед» М. З. Шишлянников.

Такое положение, конечно, не устраивало Антюхина. Эти люди по своему служебному положению были выше его, а значит, независимы. Им практически нельзя было дать внутрикафедральное задание, сложно было спросить за качество преподавания. Поэтому и возникло желание найти штатного преподавателя предмета. Вначале поиск велся в собственной среде. Выбор пал на русиста В. Д. Козырева. Он был коммунистом, заместителем секретаря партбюро факультета журналистики, человеком добросовестным и исполнительным. Удалось уговорить его,

он начал знакомиться с предметом, литературой, готовиться к будущим занятиям. Антюхин решил подкрепить шансы избранника написанием и защитой кандидатской диссертации по истории журналистики.

Виктор Дмитриевич Козырев несколько раз рассказывал мне следующее:

– Антюхин повез меня в Москву на факультет журналистики МГУ. Пришли в кабинет заведующего кафедрой истории русской журналистики Есина. Встретил нас Борис Иванович радушно, доброжелательно. Появились коньяк и конфеты, затем кофе. Пообещал всяческое содействие. Затем спросил о вузовском образовании. Как только я сказал, что специалист по русскому языку, Есин мгновенно изменился, радушие улетучилось. Жестко обозначил требования: «Сдача кандидатского минимума только у нас, защита диссертации также у нас!» Подумал я немного после возвращения из Москвы и от предложения Антюхина отказался. Не сошлось!

А затем случай свел Антюхина со мной. Я работал в областном совете профсоюзов, располагавшемся в то время в здании современного диагностического центра. Антюхин заходил периодически в столовую облсовпрофа. Там мы и столкнулись случайно в обеденный перерыв. Формально я отвечал всем критериям, о которых говорилось выше: был коммунистом, успешно работал в различных комсомольских органах, Воронежском комитете по телевидению и радиовещанию, редакции газеты «Коммуна», в организационном отделе облсовпрофа. Кроме того, Антюхину я был хорошо знаком как студент-заочник, с отличием закончивший факультет журналистики, он был руководителем всех моих курсовых работ, дипломного исследования «Влияние Н. В. Станкевича на русскую журналистику его времени».

Вот Георгий Владимирович и предложил мне поменять чиновничью работу на преподавательскую. Я был чиновником авторитетным, который хорошо, со знанием дела писал, что бывает нечасто. Писание всевозможных документов, речей и докладов находилось буквально на потоке, часто велось в авральном порядке, по ночам, в выходные и праздничные дни. Чувствовал усиливавшуюся усталость, поэтому и согласился на перемену работы.

Коллектив кафедры доброжелательно встретил мое появление, старался поддерживать. Это касалось и историков журналистики Л. И. Дзэконовой, Е. М. Ивановой, Н. Н. Козловой, С. Н. Гладышевой, и входивших тогда в ее состав русистов Б. В. Кривенко, С. А. Гостевой, В. Д. Козырева, А. М. Шишлянниковой и других. Особо добрым словом хотел бы вспомнить Е. М. Иванову, преподававшую историю

зарубежной журналистики, – большого интеллектуала, женщину отменного воспитания и вкуса, в облике и действиях которой, как мне казалось, присутствовала некая дворянскость.

Думаю, что Антюхин, который был с ней в добрых, доверительных отношениях, попросил на первых порах присмотреть за мной, помочь, если надо, что она и делала очень корректно и уважительно. До сих пор испытываю к ней чувства благодарности и вины. После переезда факультета в новое здание Екатерина Михайловна как-то настойчиво напросилась побывать у меня на занятии. По расписанию оно начиналось в 8:00. Дело было зимой. Ночью случился сильный мороз, гололед, дул резкий ветер, мела поземка. Добираться от остановки автотранспорта до факультета на первых порах было крайне сложно. Я позвонил и посоветовал не приезжать, а она проявила упрямство. По пути от остановки до факультета упала, сильно ушиблась, сломала руку. Перелом был тяжелым. Она долго лечилась.

Не могу не сказать самые положительные слова и о пришедшем позднее на кафедру В. В. Хорольском – настоящем товарище, талантливым ученом и преподавателем.

Конечно, в общении на кафедре не обошлось без некоторых проблем. Были Т. Ф. Лапик с ее склочностью, дилетантизмом, О. И. Дурова с несомненным талантом, но непомерным самомнением, эгоизмом, презрительным отношением к коллегам, нелюбовью к студентам, особенно иностранным. Но это, в конечном итоге, купировалось.

Самую добрую память сохраняю я о Георгии Владимировиче Антюхине – человеке, ученом, заведующем кафедрой.

Пригласив меня на преподавательскую работу, он не просто закрыл беспокоившую его кадровую проблему, а делал все, часто незаметно, чтобы органично вписать меня в кафедральный коллектив. Причем осуществлялось это крайне деликатно. На первых порах он часто посещал мои лекционные и практические занятия, знакомился с документацией по предмету, расспрашивал о планах. При этом, как мне теперь понятно, ощущалось уважение к коллеге, доброжелательность, ни разу не было каких-либо насмешек, разносов. Мне кажется, что для Антюхина главным было, как ты относишься к делу, своему предмету, студентам, коллегам, то есть предназначению. Содержательная сторона преподавания, как он считал, накопится по мере обретения опыта, новых знаний.

Конечно, Антюхин, как человек, имел и недостатки, слабости. Бывало, некритично относился к похвале, лести в свой адрес, излишне

хотел выглядеть молодожаво, нравиться (вспомним неумело окрашенные хной седины).

Приходилось не раз слышать снисходительное мнение различных людей об Антюхине-ученом (не буду называть достаточно известные в университете и интеллектуальном Воронеже фамилии ушедших и здравствующих поныне людей). Мол, и не ученый он вовсе, а всего лишь популяризатор науки. Такая оценка, на мой взгляд, неверна. Георгий Владимирович – несомненно серьезный ученый общероссийского уровня, внесший значительный вклад в изучение истории отечественной журналистики, открывший для столичных и местных исследователей богатство и значимость ее провинциальной составляющей. Редкий исследователь-гуманитарий может похвастаться созданием добротного двухтомного учебника, по сегодняшний день не потерявшего своей актуальности, где собраны и осмыслены сведения обо всех важнейших событиях истории воронежской печати. Не буду напоминать о других книгах и многочисленных статьях ученого, посвященных истории русской и местной журналистики. Кроме того, Антюхин был незаурядным ученым-краеведом.

Настоящий ученый отчетливо виден в системном подходе к собранным материалам, их исследованию в контексте процессов, происходивших в Отечестве и его журналистике. Не случайно Антюхин и его кафедра стали общепризнанными лидерами изучения истории местной журналистики в стране. Их опыт изучался, перенимался, на местах появились многочисленные ученые-последователи, избравшие изучение истории местной журналистики основным направлением своей деятельности. На организованных по инициативе Антюхина в Воронеже конференциях этих исследователей был утвержден план издания под одной обложкой и единым подходом к истории журналистики регионов России, который начал претворяться в жизнь. Венцом этой работы явилось образование Академии региональной печати России с центром пребывания в Воронеже. На организационное собрание на нашей кафедре собрались ведущие ученые – историки русской журналистики, которые единогласно избрали Антюхина Президентом Академии региональной печати.

У меня нет сомнения, что программа деятельности Академии была бы реализована. Антюхин был настойчив и последователен в достижении своих целей, имел большой опыт работы с властными структурами и их руководителями. Так, у него сложились очень хорошие деловые отношения с председателем Воронежской областной Думы Анатолием Семеновичем Голиусовым. Они часто встречались. Антюхин подготовил обширный план празднования 300-летия издатель-

ского дела в Воронежской области, который был реализован в форме Постановления Воронежской областной Думы и администрации области, предусматривавшего проведение различных мероприятий, посвященных этому событию, выделение значительных бюджетных ресурсов на развитие областной журналистики и полиграфии. Кстати, Антюхин стал тогда одним из первых лауреатов областной премии по журналистике и книгоизданию за большой личный вклад в научные исследования истории местной журналистики.

А вообще-то, разве это плохо – популяризатор науки? Георгий Владимирович действительно был мастерским лектором. Помню, как профессор Р. Э. Трейс, гостивший на нашем факультете, рассказывал, с каким интересом, даже восторгом студенты – филологи и журналисты Латвийского университета имени П. Стучки – принимали лекции, которые им читал Антюхин.

Но большим антюхинским планам не суждено было исполниться. 9 февраля 1989 года состоялось заседание кафедры, на котором он был освобожден от обязанностей заведующего. Новым заведующим кафедрой был избран Лев Ефремович Кройчик. За месяц до этого прошел слух, что принято решение омолодить состав заведующих кафедрами вузов страны, освободив от этого ученых возрастом более 65 лет. Кройчик, защитивший ранее докторскую диссертацию, пользуясь поддержкой руководства университета, подал безальтернативное заявление на конкурс. Ну, а Антюхин пребывал в полной растерянности, он ничего существенного предпринять не мог. Кстати, подобная кадровая акция в высшей школе больше не предпринималась. Я знаю, что Георгий Владимирович до последнего надеялся на чудо: либо что-то случится, и выборы не состоятся, либо члены кафедры проголосуют против Кройчика. Он разговаривал с каждым преподавателем и, скажу прямо, просил за Кройчика не голосовать, объясняя эту просьбу тем, что тот уничтожит традиции и сложившееся научное направление кафедры. Говорил он об этом и со мной.

На заседании кафедры голосование было открытым. Почти все проголосовали за избрание Кройчика (говорили о надежде на позитивные перемены). Антюхин – воздержался. Против открыто проголосовал только я (впоследствии это мне неоднократно аукалось, но это тема для следующего сборника). Конечно, во многом Антюхин оказался прав. Практически сразу после избрания Кройчика история местной печати из нашей кафедры была изгнана. Вспоминаю характерный случай. Как-то, спустя годы, на факультет заехал декан факультета журналистики Краснодарского университета А. Л. Факторо-

вич. Пришел к нам на кафедру, где были только Кройчик и я. Лев Ефремович уходил на пару и договорился, что гость его подождет.

Во время ожидания Факторович начал внимательно просматривать известный шкаф с методической литературой. В результате отложил десяток брошюр. А автором всех их значился Антюхин. Когда Кройчик вернулся, между ним и Факторовичем произошел следующий диалог:

– Ф.: Лев Ефремович, ожидая тебя, я отобрал несколько брошюр. Не возражаешь?

– К.: И что же, если не секрет, ты отобрал? (смотрит). Да это все старье никому не нужно.

– Ф.: Не скажи. Как будто вчера отпечатано. Все сделано очень добротно, замечательные программы семинарских занятий. Что ни говори, умел Антюхин товар лицом показать.

Пусть каждый сам решит, почему при самой тщательной многолетней апробации, наличии двухтомного хорошего учебника и самых разнообразных методических материалов, большой нехватке долей нагрузки для преподавателей, постоянно возрастающем внимании к изучению истории местной журналистики на всех факультетах журналистики страны у нас – основоположников этого направления научной и учебной деятельности – оно было ликвидировано.

Конечно, Антюхин, лишившись кафедры, пережил большую обиду и серьезное нервное потрясение, которое осложнилось его хроническими болезнями, прежде всего, сахарным диабетом. Началась гангрена диабетической стопы, грозившая потерей ноги. Его положили в областную больницу. Большую поддержку и помощь в это время Антюхину оказал уже упоминавшийся мной председатель Воронежской областной Думы Анатолий Семенович Голиусов. Он навещал Антюхина, собрал консилиум руководителей больницы и ведущих специалистов. Состояние здоровья Георгия Владимировича было взято под жесткий контроль. Ему были выделены буквально единичные экземпляры имевшихся в области лекарств. В результате проведенной операции ногу удалось спасти, правда, пришлось удалить часть стопы.

Как известно, в период нахождения в больнице и послеоперационной реабилитации кафедра проявила коллективную солидарность с Антюхиным. Ему продолжали выплачивать полную зарплату, которую регулярно получала по доверенности жена, а нагрузку безвозмездно разделили между собой коллеги. Но это продолжалось лишь до начала нового учебного года. Затем возникло недовольство. Кройчик сообщил Антюхину, что существовавшая практика прекращается, и рекомендовал уйти на пенсию. Поднят этот вопрос, на мой взгляд,

был поспешно, потому что Антюхин уже собирался выходить на работу, только решалось, как организовать его перевозку на занятия и домой. В результате ему пришлось уйти на пенсию.

Думаю, что надо рассказать и о событиях, связанных с Георгием Владимировичем Антюхиным, случившихся уже после его кончины. После него остался архив, состоявший из библиотеки и множества папок, в которых хранились рукописи его книг и различные материалы к ним, а также письма, фотографии. Многие предлагали семье передать этот архив на хранение отдельным фондом в научную библиотеку ВГУ или в музей печати факультета журналистики со всеми возможными гарантиями. В ответ следовал категорический отказ жены, затем сына и внучки: «Мы будем сохранять кабинет Георгия Владимировича как память, нетронутым. О передаче чего-либо Кройчику (с ним ассоциировали факультет. – прим. мое.) даже разговора вести не будем!»

Несколько слов об архиве. Располагался он в рабочем кабинете, очень светлом, с большим окном на юг. К подоконнику примыкал массивный письменный стол, заваленный многочисленными папками и бумагами. На стене напротив висела единственная картина – подарок Народного художника России В. П. Криворучко. Вдоль стен располагались стеллажи с книгами: достаточно большая библиотека. Правда, особой научной или библиографической ценности она не представляла. Старых, редких книг в ней практически не было. Она состояла пре-

имущественно из собраний сочинений, изданных в 50–60-х годах прошлого века (Купер, Майн Рид, Жорж Санд, Теккерей, Диккенс и т. д.), подписка на которые выделялась тогда номенклатурным работникам, крупной интеллигенции. Интерес, пожалуй, представляли многочисленные книги воронежских авторов с их автографами, которые были подарены Антюхину (некоторое время он работал в журнале «Подъем»). Очень ценными были оригиналы отдельных пи-

сем (Ахматовой, сына Нарбута, Твардовского, Долматовского, некоторых других писателей и поэтов, в том числе крупнейших украинских, работавших в Воронеже в годы войны), а также оригинальные фотографии, например, сделанные у могилы Л. Н. Толстого сразу после его похорон. Этот архив длительное время семьей не разбирался, периодические попытки подступиться к нему других людей решительно пресекались.

Три года назад случилось следующее. В кабинете Д. С. Дьякова – директора издательства ВГУ – раздался звонок. Звонивший сообщил, что в расположенном в подвале на Ленинском проспекте букинистическом магазинчике в большом количестве находятся бумаги некоего университетского профессора.

Дьяков с сопровождающим бросились в этот магазинчик и увидели там большое количество мешков с собраниями сочинений в безукоризненном состоянии, папками и бумагами, принадлежавшими Антюхину. Но, к сожалению, ценных писем уже не было, будто какая-то опытная рука успела прошерстить мешки. Хозяйка магазина рассказала, что у ее магазина, вывеска которого хорошо просматривалась с проспекта, как-то остановилась большая грузовая машина, заполненная мешками с книгами и бумагами. Находившиеся в кабине молодые люди предложили купить все за незначительные деньги, иначе отвезут на свалку...

Печально, что унаследовавшая квартиру Антюхина внучка Алена, окончившая наш факультет, забыла клятвенные заверения о верности памяти деда, о том, что бережно будет хранить все, что связано с памятью о нем.

Рабочий человек

... Старики уходят, и с этим ничего не поделаешь... Последние годы Георгий Владимирович Антюхин отчаянно сопротивлялся болезни. Фронтовик, он защищал последний рубеж своей жизни с мужеством и отвагой солдата, отчетливо понимавшего, что отступать некуда.

И – нельзя!

В Воронеже Георгий Владимирович был фигурой легендарной – с него начинался будущий факультет журналистики, он активно способствовал созданию литературных музеев в Воронеже и Новожиловинном, вел телевизионные передачи, выступал на радио, писал в газеты и журналы.

Студенты любили профессора Антюхина – число его курсовиков и дипломников всегда превышало академические нормативы, но как запретить учителю общаться с учениками, если тот необычайно «вкусно» рассказывает о пережитом – о войне, участником которой он был; о людях, с которыми встречался.

Был доктор филологических наук Георгий Владимирович Антюхин великим фантазером, Вот пришло ему в голову создать научный кружок из студентов-заочников.

И – создал!

Вот пришло ему в голову организовать на журфаке музей истории местной печати.

И – организовал!

Вот решил он однажды, что пора собрать по России всех изучающих историю региональной прессы и учредить академию наук региональной печати России.

И – учредил!

Естественно, был единодушно избран президентом этой академии.

И все это выходило у Георгия Владимировича как-то играючи. Скажет, как бы мимоходом, на заседании кафедры или на ученом совете: «А хорошо бы...» А потом глядишь – дело сделано.

Несколько книг оставил после себя Георгий Владимирович, свыше двухсот статей. Ученики профессора Антюхина сами защищали диссертации, выходили, как говорится, в люди. А сам профессор Антюхин предпочитал держаться в тени.

Но – работал.

Стал заслуженным работником культуры Российской Федерации, лауреатом нескольких журналистских премий, его имя занесено в «Золотой фонд Воронежской области».

Награды воспринимал скептически и, кажется, больше всех собственных наград гордился орденом Ленина, врученным его отцу – ветерану завода имени Дзержинского:

– Отец мой был рабочим человеком.

Рабочим человеком был и Георгий Владимирович Антюхин – без дела не сидел: учил студентов, писал книги, выступал перед разнообразной аудиторией...

Когда приходилось звонить ему домой, на том конце провода неизбежно звучало доброжелательное:

– Вас слушают... Слушателей-ветеранов на журфаке ВГУ почти не осталось... Идут другие люди...

Г. В. Антюхин и В. В. Тулупов

Печатается по: Акценты. Новое в массовой коммуникации. 2004. Вып. 1-2 (44-45). С. 113.

Военная история Георгия Владимировича Антюхина

Георгий Владимирович Антюхин родился в Воронеже 29 июня 1922 года. Его детство прошло на окраине города в небольшом красивом домике, окруженном старым садом.

Одно из его самых ярких воспоминаний довоенного Воронежа – последняя довоенная осень – теплая, ласковая, солнечная. В голубом чистом небе – ни облачка. Сады и парки горят золотом и багрянцем. Падают на асфальт зрелые каштаны. Все семьи еще вместе, все отцы и старшие братья пока живы...

В 1940 году Георгий Антюхин окончил школу и был призван в Красную Армию. Уехал из родных мест в далекую Ригу учиться в военной школе.

На тот момент ему было восемнадцать лет.

19 июня 1941 года, накануне Великой Отечественной войны, вместе со своей воинской частью Антюхин выехал на учения в Литву, поближе к границе. Здесь на случай военных действий уже успели подготовить укрытия, наладить связь. Днем курсанты строили фортификационные сооружения, ночью их охраняли.

По жестокой иронии судьбы через три дня на боевые позиции курсантов стали падать артиллерийские снаряды не условного, а самого настоящего врага. В ночь с 21 по 22 июня Георгию как раз довелось стоять на часах. «Едва рассвело, высоко в небе загудел самолет. Очень скоро я убедился: не наш!», – вспоминает он. Гитлеровский разведчик обстрелял спящий лагерь.

«Потом-то мы научились различать по гулу моторов свои и вражеские самолеты. А тогда... Круто переменялась жизнь... Самыми страшными были бомбежки. Ощущение такое, что ты абсолютно бессилен, что ничем не можешь ответить врагу.

Вспоминаю один из первых дней войны. Наша маленькая «Чайка» (истребитель) сражается с тремя «Мессершмиттами». Бой длился около пятнадцати минут (для воздушного боя это очень много). «Чайка» была сбита, а мы сидели в окопах, наблюдали за воздушным сражением, а помочь ничем не могли...» [2, с. 331].

Война была неожиданной, как эти первые смертоносные снаряды. Началось отступление. 29 июня, в день рождения Георгия Антохина, наши войска перешли старую границу в районе города Остров и вновь оказались в России. Из Прибалтики потянулись беженцы. Каждый день – обстрелы и бомбежки.

Как ни странно, начало войны у Георгия Антохина ассоциировалось с великим поэтом Александром Сергеевичем Пушкиным. Дело в том, что продвижение войск из Латвии шло в направлении Пскова: солдаты миновали Тригорское, Михайловское, Новоржев – святые пушкинские места.

Особенно Псков. Все в этом городе связано с именем Пушкина, исходившего город вдоль и поперек.

Об одном из выполненных в то время заданий Георгий рассказывает в очерке «Дорогами войны по пушкинским местам», опубликованном в «Московском журнале»:

«В середине июля наши части «потеряли» противника. Это грозило непредсказуемыми последствиями. Нас, четырех курсантов, вызвал к себе батальонный комиссар Савин – герой гражданской войны, еще тогда награжденный орденом Красного Знамени, и поставил задачу: вести разведку, следуя в направлении Новоржева, ближайшего к Михайловскому городка (верст 30 от пушкинских владений).

Пешком идти далеко. «Мобилизовали» какую-то фанерную полуторку с надписью на борту «Хлеб». Доехали на ней до Новоржева, не встретив ни одного немецкого солдата. Город невзрачный, с единственной, по сути, улицей. Пушкин посвятил Новоржеву шутовское стихотворение:

*Есть в России город Луга
Петербургского округа;
Хуже не было б сего
Городишки на примете,
Если б не было на свете
Новоржева моего.*

Мы остановили машину на окраине, у водопроводной колонки, из которой беспрестанно текла вода. Видим, идет старушка с ведром.

– Бабушка, где тут наши?

– Ваши, – отвечает старушка, – не знаю где, а ихние вон на том конце улицы обедают...

И правда, стоят два танка, рядом немцы что-то едят и пьют. Что ж, задание выполнено: враг обнаружен. Развернули полуторку и понеслись, выжимая из нее все, что можно» [1].

На фронте поначалу царила неразбериха. Потребовались долгие месяцы, чтобы сложилось организованное и упорное сопротивление армии и народа фашистским агрессорам. Что говорить о том же Новоржеве, который в ходе боевых действий был полностью уничтожен. Курсанту Антохиному и его боевым товарищам пришлось хлебнуть военного лиха, когда войска Северо-Западного фронта отступали с боями, оставляя противнику русские города и села, в том числе древний Новгород.

2 декабря 1941 года Георгий Антохин, получивший первое офицерское звание младшего лейтенанта, был направлен в Москву. Оттуда попал на Волховский фронт, где служил в должности командира взвода.

«Прибыл туда (в Москву. – прим. автора) рано утром 5 декабря. В первый же день купил томик стихов А. С. Пушкина. Он прошел со мной фронтовыми дорогами от Москвы до Берлина. И теперь стоит в моем кабинете на самом почетном месте» [1], – рассказывал он.

После Волховского фронта был Ленинград, а дальше – Карельский фронт. Георгий Владимирович вспоминает курьезный случай:

«Надо сказать, что этот северный фронт не был похож на другие фронты. На Ленинградском и Волховском фронтах мы стояли с немцами нос к носу. Там каждый метр простреливался, каждый метр укреплен. А здесь – в Карелии – сплошной линии обороны не было. Это создавало определенные трудности. Однажды один из наших полков, вырвавшись вперед, оказался в «бутылке», т. е. со всех сторон его окружали немцы и финны, связи с соседями не было: все это вызывало тревогу.

Нас, нескольких офицеров оперативного и разведотделов, послали в этот полк, чтобы вывести его из этого полуокружения. Прибыли в часть (помню, в нашей группе был еще один воронежец – Борис Гусев), сообщили командованию полка приказ командира дивизии о передислокации и уже решили возвращаться в штаб, как заметили полевую кухню.

– Давай пообедаем, – предложил Борис.

– Давай, – согласился я.

Встали в длинную солдатскую очередь. Кто-то из офицеров полка снабдил нас котелками, а ложка за голенищем сапога была всегда. Очередь мед-

ленно продвигалась к кашевару, возле которого стоял офицер, скорее всего – замполит, в обязанности которого входил контроль за работой кухни.

И вдруг – какое-то оживление у котла. Очередь рассыпалась, окружила замполита. Подходим и мы. Смотрим – стоит офицер и расспрашивает солдата: как его зовут, доволен ли он едой. А тот молчит и только головой кивает.

– Вы почему не отвечаете на мои вопросы? – горячится замполит.
– И, вообще, почему не по форме одеты?

А надо сказать, шинель на солдате была не нашего сукна. Ну, на войне такое бывало часто: раздобудешь трофейное обмундирование и носишь.

Солдатик только головой крутит.

– Немой, что ли? – удивляется замполит. – Почему в строю?!

В общем, через минуту-вторую выяснилось, что «немой» – финский солдат.

– Да он сюда второй день ходит, – объяснил повар. – Видать, у нас еда вкуснее.

Шло четвертое лето войны. До финских окопов было метров четыреста» [2, с. 333-334].

Тяжелую военную работу Георгий выполнял отменно и закончил войну с майорскими погонами на плечах в должности помощника начальника отдела в штабе Второго Белорусского фронта, которым командовал легендарный Рокоссовский.

«Года с сорок третьего, – вспоминает Георгий Владимирович, – воевать стало даже как-то веселее. Побеждали ведь, Родину освобождали». Георгий Владимирович участвовал в освобождении не только Советского Союза, но и некоторых европейских стран. А за образцовое выполнение воинского долга при высадке десанта на датский остров Борнхольм он был награжден польским «Орденом, заслуженным на поле славы» 1 степени. Кроме того, Георгий Антюхин – кавалер многих орденов и медалей.

В апреле 45-го Георгий Антюхин находился в Померании, в составе 2-го Белорусского фронта. Тогда уже фронт рассек группировку гитлеровцев, и поэтому воевать приходилось как бы повернувшись сразу на запад и восток. Наши войска рвались к Балтийскому морю.

«И вот, помню, весенний день – теплый, но не солнечный. Наши передовые части вышли к морю. Для многих море – чудо, увиденное впервые. А я вспоминаю Прибалтику, где встретил начало войны. Тогда нас, курсантов, вывозили на море на выходные дни. Круг замкнулся – осенью сорок первого я покидал Прибалтику, а теперь вот, спустя четыре года, вновь стою на берегу зеленоватого и совсем не теплого моря.

Пронизанный солнцем песок, волны, накатывающиеся на берег, тишина – такое ощущение, что война ушла куда-то далеко-далеко. И солдаты замерли.

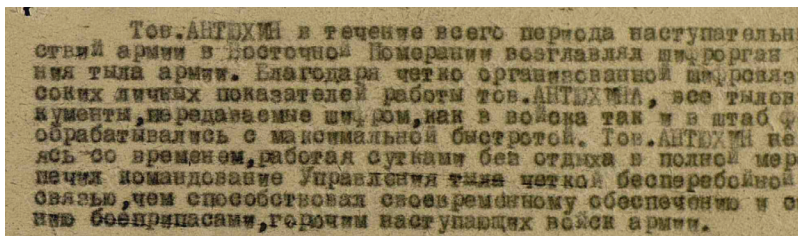
В хронике войны нередко можно увидеть наших бойцов, вышедших к морю и стреляющих в воздух. А тут этого не было – все замерли. Само море – огромное, величавое – располагало к молчанию, к созерцанию этого чуда природы» [2, с. 334].

В тот день никто еще не знал, что до Победы оставалось всего двадцать дней. И кому-то не суждено было дожить до этого дня.

В последние дни войны Георгию Владимировичу довелось участвовать в освобождении датского острова Борнхольм. «Слабое воспоминание об этом острове – из Карамзина. Помните его рассказ «Остров Борнхольм» – романтическую историю некой дамы, окутанную тайной? – вопрошает Антюхин. – На настоящем острове Борнхольм тайн никаких не было. Датчане встретили нас очень хорошо, как и подобает встречать своих освободителей» [2, с. 335].

Конец войны молодой майор встретил в Берлине. Ординарец раздобыл где-то приемник, и по нему Георгий Владимирович и его фронтовые друзья слушали немецкое радио. Предвестием близкой победы было сообщение о самоубийстве Гитлера. А когда спустя еще несколько дней из динамика донеслось вдруг учащенное дыхание, а затем громкий голос сказал по-русски: «Внимание! Говорит Берлин...», – все стало ясно.

***ЦАМО. Фонд 33. Описание 686196. Единица хранения 2298.
Наградной лист***

Тов. Антюхин в течение всего периода наступательных действий армии в Восточной Померании возглавлял шифрорган Управления тыла армии. Благодаря четко организованной шифрсвязи и высоким личным показателям работы тов. Антюхина, все тыловые документы, передаваемые шифром, как в войска, так и в штаб фронта, обрабатывались с максимальной быстротой. Тов. Антюхин, не считаясь со временем, работая сутками без отдыха, в полной мере обеспечил командование Управления тыла четкой бесперебойной шифрсвязью,

чем способствовал своевременному обеспечению и снабжению боеприпасами, горючим наступающих войск армии.

Товарищ Антюхин, работая самостоятельно, показал высокую работоспособность, выдержку и дисциплину, к порученной работе отнесился честно, добросовестно и вполне с ней справляется.

Достоин быть отмеченным правительственной наградой – орденом Красной Звезды.

Начальник 8-го отдела штаба 19-й армии майор Энтин

Достоин...

Начальник штаба 19-й армии генерал-лейтенант Ляпин

14 мая 1945 г. [3]

Война оставила свои знаки: два ранения, два ордена Красной Звезды, медали «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина», «За оборону Ленинграда», «За оборону советского Заполярья», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.».

В Берлине и – позднее – в курортном городке Польшенбаде Георгий Владимирович пробыл до июля 1945 года. Потом – Москва, служба при Штабе Московского военного округа до 1947 года. Предлагали остаться в армии, прочили хорошую карьеру. Но дослужиться до генерала майор Антюхин не захотел: в 1981 году он «дослужится» до профессора, а это все равно, что генерал от науки.

Литература

1. Антюхин Г. В. Дорогами войны по пушкинским местам // Московский журнал. 2017: [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://mosjour.ru/2017063328/> (дата обращения: 04.06.2020).

2. Священная война. Люди Воронежского государственного университета на фронтах Великой Отечественной войны: Воспоминания. Очерки. Письма. Документы / сост. Л. Е. Кройчик, Д. С. Дьяков: Воронежский госуниверситет. – Воронеж, 2015.

3. ЦАМО. Фонд 33. Опись 686196. Ед. хр. 2298.

Печатается по: Хаустов П. Часть 3. Военная история Георгия Владимировича Антюхина: [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://jour.vsu.ru/chast-3-voennaya-istoriya-georgiya-vladimirovicha-antuyuhina/> (дата обращения: 4.04.2022).

Горислав Валентинович Колосов (1922–1996)

Доктор филологических наук, профессор, заместитель председателя президиума Методического Совета по журналистскому образованию при Минвузе СССР, член правления областной организации Союза журналистов.

Сфера научных интересов: проблемы становления, развития и современного состояния теории журналистики.

Участник Великой Отечественной войны. Воевал на Западном, Волховском, Ленинградском, 3-м Прибалтийском и Карельском фронтах. Награжден медалями «За боевые заслуги», «За оборону Москвы», «За оборону Ленинграда», «За оборону

Советского Заполярья», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

Окончил факультет журналистики Казахского государственного университета (1951), где затем работал старшим преподавателем, доцентом. По совместительству – редактор газеты «Казахский университет», литературный сотрудник газеты «Советский пилот», собственный корреспондент газеты «Патриот Родины» по Казахстану и Киргизии.

Заведующий кафедрой журналистики (1975–1978), теории и практики журналистики (1978–1985) филологического факультета, первый декан факультета журналистики (1985–1989) ВГУ, где работал до 1993 года. С 1994 года жил в городе Новосибирске.

*В. КУЛИНИЧЕВ, В. ТУЛУПОВ,
М. СТЮФЛЯЕВА, Т. ХОМЧУК-ЧЕРНАЯ,
Л. КРОЙЧИК*

Этот внесистемный Колосов

Приехав в Воронеж, Горислав Валентинович несколько месяцев жил в Третьем общежитии. С ним жила младшая дочь Вера, которая собиралась поступать в «Гнесинку» на музыковедческий факультет.

Помню, как в марте семьдесят пятого мы с Александром Тихоновичем Смирновым разгружали «вещички» Горислава Валентиновича. Он носился вместе с нами, шутил, горячился, потом мы пили чай, и он сразу раскрылся перед нами во всей естественности, в своем простодушном неумении надевать на себя какую-либо маску, приличествующую случаю.

Горислав Валентинович был из породы людей непродającychся и непродających, что воля его в нужный момент оказывалась упрямой до крайности, и он добивался того, чего хотел добиться. Так, в конце концов, он «пробил» факультет, и мы в 1985 году зажили самостоятельно. В то время как московские ученые пытались создать советскую теорию журналистики, Горислав Валентинович, проявляя самостоятельность, нарушавшую централизованность духовно-идеологической жизни Союза, умудрялся протаскивать в свои работы очень важные элементы западной теории массовой коммуникации, теории журналистики. Это обогащало нас заманчивой терми-

нологией, которая давала повод смутно почувствовать (и немного понять), что и наше дело может быть самостоятельной наукой, не подвластной никакому марксизму-ленинизму.

Нет, я не укрупняю Горислава Валентиновича. Как человек системы, он был последовательным марксистом, но во всех допустимых трактовках одного учения больше всего ценил диалектическую сторону (впрочем, воспринятую, как известно, от Гегеля), что, вероятно, и помогало ему непредвзято воспринимать существенные элементы информации, которая разными путями шла «из-за бугра».

Что касается меня лично, то я чрезвычайно благодарен Гориславу Валентиновичу. Он затащил меня, переростка, в аспирантуру, что позволило мне три года беспрепятственно плавать в море книг и статей.

...Вспоминаю, как в сумерках майского вечера мы с А. Т. Смирновым заходим во двор Третьего общежития, стучим в окно Горислава Валентиновича, он выглядывает, говорит «Сейчас!» и бежит открывать дверь черного хода, и мы, минуя вахту, оказываемся у него в комнате, пьем чай (или сухое вино) и ведем хорошие разговоры.

Из воспоминаний Вадима КУЛИНИЧЕВА

* * *

Трудно в нескольких словах сказать о человеке, который в переломный момент твоей жизни стал настоящим Наставником, Учителем. Он был очень хороший и добрый. Одновременно – взрослый и ребенок, мудрый и простодушный. От Горислава Валентиновича исходило тепло, где бы ты с ним ни встречался – на городской улице, на кафедре или в его уютном кабинете. В «несистемном» поведении Колосова была своя система, опорой которой всегда оставались порядочность и уважительное отношение к коллегам, ученикам. Я его очень любил и люблю.

Из воспоминаний Владимира ТУЛУПОВА

* * *

Говорят, хороший человек – не профессия. Однако прекрасный специалист и скверный человек – сочетание не из лучших: с такими приходится тяжело сослуживцам. А человеческая порядочность помогает состояться профессионалу, заслужить высокую репутацию в среде коллег. Именно такой репутацией плюс к карьере, научным трудам и прочим атрибутам доктора наук и профессора обладал Г. В. Колосов. И это дорогого стоило. Она (репутация) во многом обеспечивала престиж нашего факультета среди других вузов. Ею определялись понимание коллег и готовность поддержать его во всех начинаниях, на ней основывались

уважение студентов и атмосфера теплого и чуть ироничного товарищества очень разных людей, которая у нас сложилась.

Горислав Валентинович был по-настоящему предан делу. Он приехал в Воронеж, когда ему было уже за 50, не зная здесь практически никого. Человек весьма контактный, по-своему обаятельный, он уже через год-два знал многих, и его многие знали. Терпеливо, настойчиво он шел к цели – и отделение филфака превратилось в факультет.

С позиций нынешнего дня, когда бескорыстие совсем не в ходу, кажется невероятным, что человек немолодой и не очень здоровый «на общественных началах», т. е. не получая ни копейки, многие годы возглавлял отделение, точнее факультет, тратя на это массу времени и сил.

Он был не только добрым, но и доброжелательным, что, на мой взгляд, более важно: доброта – качество природное, а доброжелательность – результат самовоспитания. Он не умел долго сердиться и не умел обижаться. Накричав по телефону, тут же звонил снова и заводил примирительные беседы с шутками и прибаутками, игнорируя ледяное молчание. И лед в конце концов таял.

С ним хорошо работалось. При всех сложностях, которые неизбежно возникали за эти годы, никогда не ощущалось подводных течений, подземных толчков и колебаний почвы. Горислав Валентинович искренне уважал чужой труд и гордился нашими успехами. Приезжая из Москвы, он говорил мне: «Вам все передают привет». Я не уверена,

что на самом деле так уж многие помнили обо мне на той конференции, но ему хотелось сделать приятное.

Колосова отличало при всех его деловых качествах очаровательное простодушие. Собираясь в командировку в Латвию, он, новый человек в Воронеже, спросил: «Как ехать в Ригу?». Кройчик немедленно ответил: «Надо сесть на солнцепеке, выпить пол-литра водки и закусить манной кашей». После некоторого недоумения Горислав Валентинович смеялся вместе со всеми.

Он бывал ужасно доволен, когда дамы хвалили его галстуки. И хвалили заслуженно: за его гардеробом тщательно следила Татьяна Андреевна. Да и дочки снабжали папу щегольскими пуловерами и рубашками. Наш Горислав Валентинович был франт, из Болгарии он привез дубленку апельсинового цвета, редкую по тем временам вещь, и мы гордились своим импозантным шефом.

Сказано: «Человек начинается с плача о мертвых». И с воспоминаний о них, что в сущности одно и то же.

Из воспоминаний Маргариты СТЮФЛЯЕВОЙ

* * *

Время идет. Из памяти уходят цитаты, которые он заставлял нас, первокурсников, учить. Вот уже я не смогла до конца воспроизвести самую легендарную, без знания которой он не ставил ни одной положительной оценки. «Мы должны делать постоянное дело публицистов – писать историю современности...» Забываются цитаты – люди остаются.

Я помню, как он смеялся. Так может смеяться только очень добрый человек.

Он никогда не говорил о себе серьезно. Хотя имел для этого все основания: чтобы сосчитать в те годы докторов наук по журналистике, достаточно было пальцев одной руки, – он был одним из ведущих теоретиков в Союзе. Его рассказы, о чем бы он ни говорил: о своей военной юности, о профессии, о жиз-

ненных ситуациях, – были пронизаны светлым юмором, иронией по отношению к себе.

А смеялся он по-детски, заразительно и беззащитно, иногда повосточному хитровато, как человек, который знает намного больше, чем говорит.

Из воспоминаний Татьяны ХОМЧУК-ЧЕРНОЙ

* * *

Горислав Валентинович – это явление в нашей журналистике: все-российской, воронежской, факультетской.

Году в семьдесят шестом был в Москве на ФПК. Один из сокурсников, Марат Барманкулов, показал седовласо-моложавого мужичка. – Это Колосов, Горислав Валентинович. Приехал из Алма-Аты защищать докторскую. Пойдем послушаем, потом выпьем, закусим.

Перспектива выпить-закусить на халяву мне, признаться, не очень понравилась, и я пойти на защиту отказался. Хотя работы Колосова, посвященные теории коммуникации СМИ, читал – они казались мне оригинальными и новыми.

На следующий день Марат философски заметил:

– Зря не ходил. Колосова «зарубили», и на банкете было мало народа.

– А он все-таки банкет устроил? – удивился я.

– Конечно, – подтвердил Марат, – Колосов такой.

Какой он, Горислав Валентинович Колосов, я узнал спустя год-два, когда нам на кафедре неожиданно объявили:

– У вас будет новый заведующий, фамилия – Колосов.

Потом появился Горислав Валентинович в нескладном драповом пальто с загибающимися лацканами, в помятой шляпе. Было видно – внешний лоск человеку чужд. Он ходил мягкими, неслышными шагами, говорил негромко и был совсем не страшным, совсем не доктором наук (ведь в таком качестве он к нам и приехал). Включив в гостиничном номере телевизор (дабы враг не подслушивал переговоры), Горислав Валентинович, видимо, сам для себя решал – стоит или не стоит иметь с нами дело.

Поскольку остался, мы поняли – Колосов в нас поверил.

...И были два десятилетия совместной работы – годы, преобразившие кафедру, отделение журналистики; годы, давшие жизнь факультету.

При Колосове раздвинулись наши горизонты – мы стали жить иначе. Мы поняли, что это вовсе не достоинство – иметь собственный провинциальный апломб («мы и сами с усами»).

При Колосове мы выпрямились и поняли, что собственная спина дана не для того, чтобы сгибаться перед начальством, а для того, чтобы высоко держать голову.

При Колосове мы поняли, что не обязательно брать криком и нахальством – есть такие качества, как терпение, настойчивость, достоинство.

При Колосове мы поняли, что чувство юмора – это не записное остроумие, а глубокий ум.

Из воспоминаний Льва КРОЙЧИКА

Печатается по: Университетская площадь: Очерки. Воспоминания. Воронеж, 1998. С. 85–92.

Каким был Горислав Валентинович Колосов?

18 декабря 2016 г. в Воронежском концертном зале состоялся концерт «Семнадцать мгновений весны», посвящённый 85-летию со дня рождения композитора Микаэла Таривердиева. Концерт вела вдова композитора Вера Таривердиева, дочь первого декана факультета журналистики ВГУ профессора Горислава Колосова. А 19 декабря Вера Таривердиева побывала на факультете журналистики ВГУ, общалась с коллегами своего отца.

Вера Таривердиева:

– Папа был мне очень близким человеком, я «папина дочка». Он мне рассказывал сказки о попе и его работнике Балде, придумал больше сотни серий про их перипетии...

Расскажу один случай из своего детства. Он купил дачу и стал возделывать сад. Земля там удивительно плодородная, где семечко от яблока упало – там выросло дерево. Было у него удивительное увлечение – он делал прививки на дереве. Он привил пять разных сортов яблок на одной яблоне! Это его очень характеризует. Это мой папа – у него всё получалось. Его можно охарактеризовать словами:

авантюрист, приключения, путешествия.

Лев Ефремович Кройчик:

– Когда он приехал к нам работать, он с нами знакомился. Заводил всех в свою гостиницу – не в один час, поодиночке, и каждого прощупывал. У меня было такое ощущение, что он думал: стоит ему сюда ехать или не стоит. Имея в виду не зарплату, не квартиру, которую ему обещали, а людей, с которыми ему нужно будет сотрудничать. С каждым из нас он провел отдельную беседу – с Ритой Стюфляевой, со мной, Кулинчевым Вадиком и другими... Я думаю, что после того, как он нас всех «прощупал», он точно понял, что приедет сюда работать.

Я его видел в самых разных обстоятельствах, и он всегда оставался самим собой, он охотно принимал шутки по своему поводу. Все, не стовариваясь, отмечают его удивительную способность воспринимать окружающий мир с позиции добра. Человек прошел войну, минометчик, был оглушен, контужен, но даже это его не раздражало в отношениях с другими людьми – вот я такой-сякой, жалейте меня – нет! Он был напрочь лишен какого-то гонора по отношению к окружающим, он ко всем относился одинаково хорошо. У него было великолепное чувство юмора, он всегда рассказывал массу смешных историй про самого себя.

Однажды, в годы своей относительной молодости, он пошел в баню. Жена приготовила ему вещи, сказала, возьми там. Ну, он взял авоську и ушел с ней в баню, это в Алма-Ате было. Приходит мыться, лезет в авоську, смотрит – а там мешочек с картошкой. Он с картошкой мыться пошел! И не потому, что он рассеянный, а потому что он сосредоточенный. Ему сказали – иди и делай то-то, он пошел и сделал.

Горислава Валентиновича уже много лет нет с нами, а в воспоминаниях он как живой.

Лев Ефремович Кройчик:

– Горислав Валентинович очень долго мечтал купить машину, и, наконец, приходит, говорит: «У меня машина. Поехали!». Я думаю: ну как вообще ездить с человеком, который первый раз садится за руль?! Говорю: «Я не поеду!» А он: «Почему?» Я говорю: «А как я поеду, я не знаю, как вы водите машину». А он говорит: «Я хорошо вожу!» Я поколебался-поколебался и – сел.

Мы поехали с факультета, тогда это еще было на площади Ленина, 10, садимся и едем в Юго-Западный, где я живу. Едем, и вот перекресток, где цирк... Там, во-первых, трамвайные рельсы лежат еще во все стороны, во-вторых, провода троллейбусные, и в-третьих – неровная, неасфальтированная поверхность. И светофоры светят в разные стороны. Горислав Валентинович говорит: «Понавешали тут светофоров...» Я говорю: «Давайте лучше стоять! Я здоровый человек, которому жить хочется» А он: «Ну что стоять-то будем? Мы поедем!» Он начинает поддвигаться к светофору, и в этот момент снова зажигается какой-то светофор, красный. Я говорю: «По-моему, нам нужно остановиться», а он: «Чего это? Мы уже начали движение, поехали» И почему-то в этот момент появляется какая-то машина, и милиционер нам машет палочкой. Я говорю: «По-моему, от нас требуют остановиться». А Горислав Валентинович отвечает: «Я не буду останавливаться, я не знаю, как это делается».

Вера Таривердиева:

– А меня он на мопеде возил! И из-за этого мама ему устроила большой скандал! Это было еще в Алма-Ате. Вы представляете, замдекана факультета журналистики, который ездит на лекции на мопеде! Расскажу, как он появился: мне 6 лет, у нас в Алма-Ате в квартире сделали ремонт. Мы с мамой приходим домой, а в гостиной, в которой еще не было никакой мебели, со свежевыкрашенными полами и так далее... Приходим – бац! – в гостиной мопед стоит. Папа его выставил похвастаться!

Лев Ефремович Кройчик:

– Я думаю, что есть нечто общее между Гориславом Валентиновичем Колосовым и Микаэлом Леоновичем Таривердиевым. Это общее – доброта. Они оба хорошие люди. Они как-то удивительно совпали по своим взаимоотношениям с миром. Когда вчера мы слушали концерт, я почувствовал, что это очень добрая музыка – она не то что утешает или не раздражает, она добрая, потому что в ней есть ощущение приятя мира. Музыка Таривердиева настраивает на принятие мира.

Печатается по материалам информационного портала студентов Воронежа «P.S.-5 сов» (<http://5-sov.ru/blog/kultura/2390.html>).

Военная история Горислава Валентиновича Колосова

Семья Колосовых имеет богатую историю. Начнем с того, что у отца Горислава Валентиновича – Валентина Николаевича – была фамилия Колосов. Однако, когда он учился в Киевском политехническом институте, в документах допустили ошибку, и первая буква сменилась на «К».

Валентин Николаевич Колосов, как и его сын, был ветераном войны. Он добровольцем ушел еще на первую мировую. Точно неизвестно как, но на фронте он попал в плен к немцам и провел в Германии несколько лет.

До войны он уже был женат на Ольге Ивановне Колосовой – дочери польского православного священника (девичья фамилия – Радзиевская). Он познакомился с ней в Киеве, когда учился в местном политехе. Она же была выпускницей Киевского института благородных девиц. Впоследствии Ольга Ивановна сыграла важнейшую роль в жизни Горислава Валентиновича.

Пока муж был на фронте, Ольга Ивановна жила мирной жизнью в селе Джурин, Украинской ССР: воспитывала старшую дочь, преподавала в школе... И ждала Валентина. Возможно, она больше никогда бы не увидела его, если бы не его мать, Олимпия Лекушка – урожденная литовская княжна. Она приложила много усилий, чтобы вызволить сына из плена. Благодаря ей Валентин Николаевич смог вернуться – примерно в 1921 году.

Валентин Николаевич приехал в Джурин. А спустя год, 6 июня 1922-го, у него родился сын – Горислав. Кстати, в будущем паспорте у него датой рождения значилось 2 июня, но это лишь ошибка.

На Украине семья провела еще шесть лет, но после переехала в Казахскую ССР – в Кызыл-Орду, а еще через год в Алма-Ату.

В столице Казахстана Горислав Колосов учился в знаменитой школе № 36. Знаменита она тем, что в ней учились многие известные люди. Одними из таких были кинорежиссер Вадим Абдрашитов и политик Владимир Жириновский.

В этой школе впоследствии преподавала и мать Горислава. Она была трудолюбивой женщиной, и позже за свою работу педагогом в годы войны в 1947 г. получила орден Ленина из рук самого Калинина.

В Алма-Ате Горислав Колосов провел свою молодость. А в 18 лет (в 1940-м году) его призвали в армию и направили в 1-е Московское Краснознаменное артиллерийское училище имени Л. Б. Красина на ускоренную подготовку. Будучи в звании младшего лейтенанта, еще курсантом, участвовал в обороне Москвы в должности командира взвода в 20-м гвардейском минометном полку. Вел бои на Волоколамском шоссе. Впоследствии получил медаль «За оборону Москвы».

На фото – Горислав Колосов – выпускник 36-й Алма-Атинской школы

Немного курсантов выжило в тех сражениях. Все, кто выстоял, досрочно получили звания лейтенантов.

Ужасы войны Горислав Колосов переносил мужественно. Однажды, весной 1942 года, на Волховском фронте сложилась тяжелая обстановка: под Мясным Бором 2-я ударная армия, которую поддерживал 20-й минометный полк, попала в окружение. Была страш-

ная битва. Когда армия вырвалась из окружения, из 60 тысяч солдат и офицеров в живых осталось только 18 тысяч.

Войну Горислав Колосов прошел от самой столицы и до Норвегии. Участвовал в боях на Ленинградском, Волховском, 3-м Прибалтийском и Карельском фронтах. Воевал и в Финляндии. Но, что удивительно, за всю войну он мало продвигался по службе: ушел «на гражданку» лишь в звании

На фото – Г. Колосов после присвоения звания. Второй сверху слева.

старшего лейтенанта. Но это никак не говорило о его военных заслугах. «Он легко мог дослужиться и до более высокого звания, но не ставил себе такой цели», – говорит его дочь Вера Гориславовна Таривердиева. – «Отцу не были так важны чины, сколько человеческие отношения. Он был очень свободным человеком. Он всегда защищал тех же солдат, нижестоящих перед вышестоящими. Так сложилось. Не скажу, что для него не существовало чинов, но он никогда не переставал быть самим собой. Был совершенно свободен в своих высказываниях».

Это подтверждает и вторая дочь Горислава Валентиновича, Наталия Колосова:

«О войне отец, в отличие от многих, рассказывал в основном курьезные истории. К примеру, как им приходилось после обстрела вражеских позиций из «Катюш» отправлять разведчика для того, чтобы составить... отчет о проделанной работе. При этом с горечью вспо-

минал, как люди часто гибли по вине военачальников, ни во что не ставивших жизни рядовых. И Сталину этого не мог простить. Характер у него был непростой, сам он пытался не раз спорить и поступать по-своему, с чем связано то, что, отслужив с лета 1941 по 1946 год (закончил войну в Норвегии), единственный орден получил в связи с юбилеем Победы – орден Отечественной войны I степени...».

О боевых заслугах Горислава Валентиновича говорит совершенно другой факт. На войне он был командиром батареи «Катюш», и был настолько хорош в своем деле, что по окончании войны его просто не отпускали из армии. А все потому, что в войсках нужны такие офицеры.

Благодаря своим подвигам, Колосов попал в книгу А.П. Бороданкова «Гвардии “Катюша”» 1978 г.

Там описан такой эпизод: «Бои по прорыву блокады Ленинграда развивались с нарастающей силой. Враг отчаянно сопротивлялся. Гитлеровцев приходилось выбивать из каждого опорного пункта.

В одном из таких пунктов – в роще северо-западнее Рабочего поселка № 5 – немцы закрепились, зарыв в землю танки, подготовив более двух десятков других огневых точек. Все подступы к своей обороне они заминировали.

“На вас вся надежда, дайте побольше огня”, — сказал командир стрелкового полка капитану Александрову. “Гвардейцы не подведут”, — ответил командир дивизиона.

Три дивизионных залпа уничтожили немало гитлеровцев, разрушили их оборону. Наши бойцы начали продвигаться вперед. Но оставшиеся огневые точки противника вскоре ожили и задержали наступление пехоты. Враг подбрисил новые силы.

Лейтенант Колосов

К концу дня, когда положение еще более осложнилось, в дивизион на помощь прибыла батарея управления, которой командовал всегда жизнерадостный, смелый, боевой офицер – старший лейтенант Горислав Валентинович Колосов.

Вновь прибывшая батарея с ходу вступила в бой, усилила огонь и наша пехота. Гитлеровцы не выдержали, стали отходить. И тут мы услышали нарастающий гул боя с противоположной стороны. Немцы попали под перекрестный огонь, заметались, а затем большими группами начали сдаваться в плен. Это было ново для нас и радостно. Прошло еще несколько часов, и воины двух фронтов – Ленинградского и Волховского – встретились. Блокада Ленинграда прорвана! Южнее Ладожского озера образовался узкий коридор, по которому в этот же день пошли в город Ленина машины с продовольствием и другими грузами.

Это была большая победа!

Указом Президиума Верховного Совета СССР, от 8 сентября 1943 года 20-й гвардейский минометный полк был награжден орденом Красного Знамени за выполнение боевого задания по прорыву блокады города Ленина. В дальнейшем приказом Верховного главнокомандующего № 0174 от 2 июля 1944 года 20-му гмп было присвоено наименование Свирский – за прорыв обороны на реке Свири. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 14 ноября 1944 года полк награжден орденом Красной Звезды – за освобождение города Киркенеса в Северной Норвегии» [1].

Старший лейтенант Колосов к концу войны

По окончании войны Горислава Колосова принудительно держали в рядах Красной Армии до 1946-го года. Но сам Горислав не горел желанием дольше оставаться в войсках. Он жаждал учиться, поступить в университет. К счастью, его вызволила мама. Она начала писать во многие инстанции, чтобы Горислава отпустили. Помогал еще тот факт, что в семье он был единственным сыном.

После демобилизации в 1946 году Колосов поступил в Ленинградский университет, но через 2 месяца вернулся в Алма-Ату и перевелся в Казахский государственный университет. Причем не на один, а

на целых три факультета: географии, журналистики и иностранных языков.

До конца он отучился лишь на факультете журналистики, который окончил с отличием в 1951 году. По совместительству в то время он работал в студенческом издании и в литературной газете «Советский пилот». С 1951 года по 1953 год был собственным корреспондентом газеты «Патриот Родины» по Казахстану и Киргизии.

А спустя 2 года Горислав Валентинович был приглашен на работу в КазГУ на должность старшего преподавателя. Там он добился первых научных успехов: в 1963 г. – защита кандидатской диссертации – стал кандидатом филологических наук. В 1966 г. присвоено ученое звание доцента. В 1973 г. – защита докторской диссертации – доктор филологических наук. В 1975 г. утвержден в ученном звании профессора.

Так и прошло почти 30 лет.

Горислав Валентинович Колосов стал одним из лучших преподавателей на факультете. Но вот в 1975 году, уже остепенившись, с собственной семьей, он решает уехать из Алма-Аты.

Все из-за того, что в Казахстане начали усиливаться националистические настроения. Одним из доказательств тому стало то, что Наталию Колосову (его дочь) по окончании ею биофака КазГУ с красным дипломом и при том, что она была председателем научного студенческого сообщества и уже занималась серьезной наукой, не взяли в аспирантуру. Ее даже не рекомендовали.

Г. В. Колосов в окружении студентов ВГУ

Ее отец был оскорблен. И он принял решение сменить место жительства. В выборе нового места ему помогла собственная популярность в научных кругах: Горислава Валентиновича знали во всем Советском Союзе.

«Почти все, кто трудился в области журналистики, знали моего отца. У нас в доме постоянно бывали люди со всей страны. Деканы, завкафедрами факультетов журналистики. Даже из МГУ приезжали», – рассказывает Вера Таривердиева.

Он разослал свое резюме в 17 вузов СССР. И очень скоро получил первое приглашение. В Воронеж. Возглавить кафедру журналистики, а в перспективе – создать факультет.

Так и случилось. Семья Колосовых переехала в наш город.

Сначала Горислав Валентинович стал заведующим кафедрой теории и практики журналистики Воронежского госуниверситета. Но была мечта – создать полноценный факультет. И он строил его, как бы строил дом для своей семьи.

«Я помню его рассказ о походе в ЦК в Москве. Он хотел, чтобы факультет был передовым. По его мнению, для этого нужна была современная учебная радио-телестудия. И он пошел «выбивать» ее в ЦК. И у него это получилось», – повествует Вера Гориславовна [3, с. 201].

И спустя 10 лет в 1985 году в ВГУ, благодаря огромному вкладу нескольких преподавателей, был создан первый факультет журналистики, первым деканом которого стал Горислав Валентинович.

Горислав Валентинович сыграл большую роль в жизни многих выпускников журфака. Один из наиболее известных нам – это Владимир Васильевич Тулупов – нынешний декан факультета. Он считает себя учеником Горислава Валентиновича. Был еще один дипломник – студент ВГУ из Ирака – впоследствии стал Министром иностранных дел Ирака (в правительстве Саддама Хусейна). Горислав Валентинович всегда легко общался со всеми. Для него никогда не было разницы, с кем он общается. Уборщицей, студентом, профессором, начальником. Многие восхищались этим его качеством. В его доме всегда было много людей. Часто к нему приходили коллеги и друзья, студенты и аспиранты.

Горислав Валентинович запомнился многим как умный, добрый и свободолюбивый человек. Не таким, как все. Он играл «Марш Шуберта» на пианино, всегда носил элегантные костюмы, любил путешествия. Он дышал полной грудью и наслаждался тем, что у него было. А было немало: увлечения, семья, друзья, работа, факультет (второй дом).

Но войну он все-таки пронес через всю жизнь.

«Участие в войне формирует определенную систему мировосприятия. Во многом, конечно, у него она была определена именно этим», – говорит Вера Гориславовна. – «А еще в боях мой отец был контужен. Из-за этой контузии во сне он часто вспоминал войну. И часто просыпался с криками: "Батарея, огонь!"».

Вот что говорил о войне сам Горислав Валентинович:

«Трудно вспоминать войну, страшно вспоминать. Помню, под Спасской Полесью сильно бомбили нас фашисты. Было у нас 16 окопчиков, и 9 из них поразило прямым попаданием. Под Новгородом, когда фашисты прорвались из окружения, многих потеряли товарищей. И сейчас вижу – месиво из человеческих костей» [2, с. 157].

В 1991 году Горислав Колосов ушел на пенсию.

После Воронежа он с семьей переехал в Новосибирск. Это было решение его жены, уехать туда, где жила Наталия Колосова, занимавшаяся после окончания КазГУ наукой. Там он и доживал свои последние годы. В Новосибирске уже не работал. Он не работал и в последний год своей жизни в Воронеже.

Вот самое яркое воспоминание Веры Таривердиевой об отце:

«Отца я видела в последний раз 9 мая, в День Победы. Я прилетела в Новосибирск. Отец плохо двигался. С трудом узнавал близких, чаще даже не узнавал. Мама ему казалась медсестрой в больнице, собрание гостей по случаю праздника – заседанием кафедры. Но меня он узнал.

– Папа, почему ты любишь Горького? – Не знаю, почему я его об этом спросила. Наверное, потому, что полное собрание сочинений Максима Горького стояло у него на почетном месте.

– Он великий писатель, – ответил он просто.

– А что тебе нравится у него больше всего?

– "Двадцать шесть". Рассказ "Двадцать шесть", – и назвал точно том и страницу.

... В тот день, 9 мая 1995 года, он попросил достать парадный костюм с медалями. Мы помогли ему одеться, пошли на парад. Как и по всей стране, в Академгородке колонна ветеранов шла торжественно через центр города. Под музыку, с цветами и орденами, блестящими под солнцем.

Перед группами ветеранов несли штандарты: "Белорусский фронт", "Волховский фронт", "Карельский фронт", "Ленинградский фронт". Отец спешил, торопился. Но не мог идти быстро. Отставал. Оказывался в конце одной группы, потом в начале другой, и опять в конце. Но я подумала: ему не надо спешить. Он может идти за каждым из этих штандартов. И он шел. Какая-то глубина его памяти вывела его на последний парад главной его Победы.

Больше отца живым я не видела» [3, с. 203].

Горислав Валентинович Колосов умер в 1996 году. Он – автор более 150 научных публикаций и монографий, доктор филологических наук, член Союза журналистов СССР, прекрасный преподаватель, бравый офицер и отец нашего факультета. Награжден семью медалями, в том числе «За боевые заслуги», «За оборону Москвы» и «За оборону Ленинграда». Мы чтим его память и заслуги. Он один из тех, кто вывел российскую журналистику на новый уровень, и он один из немногих людей, кто, что называется, «был собой».

Литература

1. Бороданков А. П. Гвардии «Катюша» / А.П. Бороданков. – СПб.: Лениздат, 1978. – 320 с.
2. Священная война. Люди Воронежского государственного университета на фронтах Великой Отечественной войны: Воспоминания. Очерки. Письма. Документы / сост. Л. Е. Кройчик, Д. С. Дьяков; Воронежский государственный университет. – Воронеж: ВГУ, 2015. – 50 с.
3. Таривердиева (Колосова) В. Мой отец – Горислав Валентинович Колосов // Университетская площадь. – 2015. – №7-8. – С. 200-203.

Печатается по: Хаустов П. Часть 1. Военная история Горислава Валентиновича Колосова: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://jour.vsu.ru/chast-1-voennaya-istoriya-gorislava-valentinovicha-kolosova/> (дата обращения: 4.04.2022).

Наши авторы

БА ХАРОН Абдулрахман Хасан Абдулрахман – аспирант кафедры журналистики и литературы факультета журналистики Воронежского государственного университета.

БЫЛДИНА Инна Владимировна – магистрант факультета журналистики Воронежского государственного университета.

ВЕТРОВ Максим Вячеславович – выпускник факультета журналистики Воронежского государственного университета.

ГЛАДЫШЕВА Светлана Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики и литературы факультета журналистики Воронежского государственного университета.

ДРОБИШЕВСКИЙ Александр Павлович – преподаватель кафедры журналистики и литературы факультета журналистики Воронежского государственного университета.

КРОЙЧИК Лев Ефремович (1934–2019) – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой истории журналистики и литературы факультета журналистики Воронежского государственного университета.

КУЛИНИЧЕВ Вадим Георгиевич (1942–2000) – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и практики журналистики факультета журналистики Воронежского государственного университета.

ОВСЕЙКО Валентина Ивановна, соискатель кафедры связей с общественностью, рекламы и дизайна факультета журналистики Воронежского государственного университета.

ОМАРБЛ Бестун Хдр Карим – аспирант кафедры журналистики и литературы факультета журналистики Воронежского государственного университета.

СТЮФЛЯЕВА Маргарита Ивановна (1931–2022) – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики журналистики факультета журналистики Воронежского государственного университета.

ТУЛУПОВ Владимир Васильевич – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой связей с общественностью, рекламы и дизайна, декан факультета журналистики Воронежского государственного университета.

ХОМЧУК-ЧЕРНАЯ Татьяна Николаевна – старший преподаватель кафедры журналистики и литературы факультета журналистики Воронежского государственного университета.

ПАЛИХОВА Анастасия Павловна – копирайтер контент-агентства «Сделаем».

ХАУСТОВ Павел Владимирович – выпускник факультета журналистики Воронежского государственного университета.

ХОРОЛЬСКИЙ Виктор Васильевич – доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики и литературы факультета журналистики Воронежского государственного университета.

Оглавление

I. Актуальные проблемы теории публицистики	
И. БЫЛДИНА Специфика творческого портрета.....	3
В. ХОРОЛЬСКИЙ Методология анализа публицистических текстов в условиях медийной «дигитальной революции».....	9
II. Перед лицом истории	
Абдулрахман Хасан Абдулрахман БА ХАРОН Политические события в Йемене и их влияние на сетевые коммуникации в 2022 году..	24
М. ВЕТРОВ Образ ополченца в военной публицистике Захара Прилепина.....	32
С. ГЛАДЫШЕВА К вопросу о традициях дореволюционной отечественной журналистики в прессе русского зарубежья (1920–1940 гг.)..	39
Ю. ЛЫСЯКОВА Публицистика О. Памука: взгляд из окна на задворках Европы и центра исчезнувшей империи.....	45
В. ОВСЕЙКО История закрытия первой в заволжском крае частной газеты «Оренбургский листок» (1876–1906 гг.).....	53
Омарбл БЕСТУН Генезис и основные этапы развития курдской печати в Ираке.....	56
III. Вспоминая былое	
Георгий Владимирович Антюхин.....	63
С. ГЛАДЫШЕВА И оживали легенды.....	63
А. ДРОБЫШЕВСКИЙ Немало прожито, немало пережито.....	70
Л. КРОЙЧИК Рабочий человек.....	79
П. ХАУСТОВ Военная история Георгия Владимировича Антюхина..	81
Горислав Валентинович Колосов.....	87
В. КУЛИНИЧЕВ, В. ТУЛУПОВ, М. СТЮФЛЯЕВА, Т. ХОМЧУК-ЧЕРНАЯ, Л. КРОЙЧИК Этот внесистемный Колосов.....	88
А. ПАЛИХОВА Каким был Горислав Валентинович Колосов?.....	94
П. ХАУСТОВ Военная история Горислава Валентиновича Колосова.....	97
Наши авторы.....	106

Научное издание

БЫЛОЕ И МЫ

Редактор выпуска – доц. С. Н. Гладышева
Корректоры: Т. П. Коновалова, Е.А. Ряжских
Компьютерная верстка: П. И. Новиков

Подписано в печать 27.11.22. Формат 60x84 1/16
Гарнитура Times New Roman
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. п. л. 3,18 Тираж 100 экз.

Воронежский государственный университет
Факультет журналистики
394068, Воронеж, Хользунова, 40-а
Тел. (473) 274-52-71 E-mail:vlvtul@mail.ru

Отпечатано в типографической лаборатории факультета журнали-
стики ВГУ